

Тимофей Животовский

К ПОЛДНЕВНЫМ МОРЯМ

Санкт-Петербург
Филологический факультет СПбГУ
2011

Ж__ Животовский, Тимофей.

К полдненным морям. — СПб. : Филологический факультет
СПбГУ, 2011. — 224 с.

ISBN 978-5-8465-1162-0

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Вовсе не врожденная скромность, свойственная автору этой книги, является главной причиной столь позднего ее выхода. В самом деле, Тимофею Животовскому уже 43 года, а он до сих пор умудрился не издать ни одного собственного сборника — и это при том, что свое первое стихотворение он сочинил в 1974-ом году! Скорее всего, привычка писать не рассчитывая на публикацию, приобретенная еще в советское время, явилась здесь решающим обстоятельством. Когда же публикации стали возможными, поэта до такой степени перестало интересовать мнение окружающих о его стихах, что издание книги уже не рассматривалось им всерьез. Конечно, приятно иметь десяток-другой экземпляров для подарка друзьям, близким, настоящим ценителям, — но для этого подходят и распечатки, даже рукописи, тем более, что у последних больше шансов через пару столетий оказаться в витрине какого-нибудь литературного музея. Что же до читателей — то главным из них автор не без основания полагает себя самого. Кажется, еще Шостакович говорил, что если произведение не нравится автору, то оно не понравится никому. Впрочем, Соснора однажды изрек прямо противоположное: «Если автору нравится — никому не понравится». Вероятно, здесь нет места обобщениям: разной бывает публика, и авторы относятся к собственным творениям с разной степенью взыскательности.

Тимофей Животовский весьма взыскателен как к своим, так и к чужим сочинениям. Он очень любит стихи и знает их довольно много наизусть (Блока — около двухсот стихотворений, Северянина, Гумилева — приблизительно по сотне, Пушкина, Ронсара, Эминеску, Готье, Гейне, Мандельштама, Пиньковского и так да-

лее — по несколько десятков, а в сумме, вероятно, около пяти тысяч (5000) стихотворений), и постоянно имеет возможность сравнивать собственные опусы с сочинениями великих. Кроме того, ведь каждому поэту приходится, хотя бы в процессе сочинения, читать собственные стихи, — и страшно представить, что это за пытка, если стихи плохие. Тимофей искренне не понимает, как могли читать самих себя мастодонты соцреализма — Михалков, Чепуров, Островой, Щипачев, Барто и т. п., хотя, конечно, для указанных сочинителей вдохновение не могло быть поводом для занятий литературой. Впрочем, и сейчас, и в Серебряном веке мы встретим множество людей, рассматривающих литературу, особенно поэзию, как средство для: самоутверждения, повышения социального статуса, создания «имиджа», проникновения в так называемую «художественную среду» etc., — и вот вокруг Северянина и Маяковского роятся многочисленные Шершеневичи, Бурлюки, Гуро, Буяновы, Крученых, а расчетливый и чутко реагирующий на моду Брюсов становится мэтром и пророком, прославляется великими Блоком и Белым — хотя является всего лишь жалким эпигоном всего символизма, в том числе блоковского, по крайней мере с 1906 г. И более одаренная Ахматова, и наивная Одоевцева воспринимают поэзию как часть собственного образа, то есть, опять же, поэзию не саму по себе, но как средство. Явления того же типа многочисленны и сегодня, хотя общий уровень несравнимо ниже того, что был лет сто назад.

Итак, будучи наиболее взыскательным среди собственных читателей и решительно предпочитая плохим стихам — хорошие, Тимофей просто вынужден избегать лжи и фальши; будучи прекрасно осведомлен о том, что делалось в поэзии до него, — вынужден писать по-своему хотя бы затем, чтобы ему самому было интересно и по возможности приятно читать свои стихи. Однако в отсутствии печатного издания это порою затруднительно — и здесь главная причина появления этой книги.

Кроме того, всегда бывает обидно, если хороший поэт почему-то медлит с публикацией: первая подборка Тютчева появилась в «Современнике», когда поэту было уже за 30, Анненский издал «Тихие песни» на четвертом десятке жизни, а Юрий Стефанов, при жизни бывший известным переводчиком, лишь после смерти, когда вышла первая книга его собственных стихов, стал известен как поэт — возможно, один из самых значительных русских

поэтов XX века. Вероятно, ему и его близким было бы приятно, если бы эта книга оказалось прижизненной.

Теперь несколько слов о влияниях и учителях. Первых множество: в детстве — Ершов, Лермонтов, Пушкин, Некрасов, Крылов; чуть позже — Державин, Тредиаковский, Жуковский; иностранные поэты (в переводах): Гейне, Ренъяр, Гомер, Гораций, Вальтер Скотт, Саути, Шиллер, Калевала, Лонгфелло, Буало; потом, в отрочестве — средневековые и Серебряный век, китайцы и грузины от Шавтели до И. Чавчавадзе, Парнасская школа и всевозможные -измы XX-го. Самое забавное, что образцы всего, представленного в этом списке, Тимофей помнит наизусть и с удовольствием этим пользуется, декламируя самому себе в самых разных обстоятельствах — в лесу, в метро, в транспортной пробке, — все что угодно из мировой поэзии. Однако лишь двух старших современников Тимофей может назвать учителями — В. А. Лейкина и В. А. Соснору.

Именно благодаря Вячеславу Абрамовичу Лейкину в С.-Пб в 1970–90 гг. сформировалась литературная среда, в которой не было места фальши, столь характерной официальной литературе тех лет, и зависти, довольно обычной в литературных кругах всех времен и народов. Сам чрезвычайно талантливый поэт, Лейкин не только не подавлял своих питомцев, но умел сделать так, что дарование (если таковое имелось) проявлялось во всей полноте и самобытности. Как это получалось у Вячеслава Абрамовича — не ведаю: по-видимому — чудо, дар Божий.

Вокруг Виктора Александровича Сосноры также собирался литературный кружок и бывали чтения, но каждое заседание завершалось монологом мэтра. Монологи были великолепны, и на их фоне прозвучавшие только что стихи как правило блекли и забывались. Соснора сильно повлиял на Животовского, однако не в звукописи, как это может показаться на первый взгляд, но интонационно, особенно белыми стихами из «Кристалла» и «Верховного часа».

Вопреки расхожему мнению об определяющем влиянии Иосифа Бродского на всю петербургскую поэзию 1970-х и последующих лет, у Тимофея Животовского нет на это влияние и намека, ибо Бродский — как и Мандельштам — интонационно и внутренним состоянием Тимофею абсолютно чужд. Он очень любит некоторые их произведения, — но это совсем другая поэзия.

В заключении предисловия — о поэмах, завершающих каждый из пяти разделов книги.

Это, в сущности, прозаические сюжеты, просто изложенные шестистопным ямбом — автору так удобнее. Возможно, впоследствии эти и подобные им повествования выйдут отдельной книгой, вместе с прозой и драматическими произведениями.

Автору чуждо утверждение Уайлда о бесполезности искусства; по его мнению точка зрения Достоевского гораздо справедливее. Не разделяет Тимофей и пост-модернистскую позицию об «относительности» красоты. Будучи человеком верующим, он считает, что антитеза «красота-уродство» так же постоянна, как «добро и зло», — вероятно, так думает большинство и даже те, кто утверждает обратное.

Впрочем, все вышесказанное может иметь значение только для того, кого каким-то образом заинтересуют сочинения, представленные в этой книге.

Тимофей Животовский

24–26 декабря 2009 — лето 2011 г., Царское — Петергоф

I

ЗАКЛИНАНИЕ

СЕМЕРО ПРОТИВ МЕГАР

В Халкидон за подмогой
Ушли корабли.
Побережье залива
Войска облегли,
Облекли — только звякает бронза.
Се — парад? Вдоль залива
За ними крадусь,
Увязая в слизи
Пожелтевших медуз,
В слове пифии слыша угрозу.

О дорийская доля!
В Мегарах огни.
Сочиняет стихи
Пожилой Феогнид —
Семь врагов на воде и на суше —
Ввечеру, когда звон
Архаических лир,
Заглушая волной
Регулярный прилив,
Деревянные идолы рушит.

В семь запоров рычаг
Семь ворот, семь ворот,
Но над ними торчат
Семь бород, семь бород,
Семь врагов, неизвестных анналам.
Мне рисунок на амфоре
Все объяснил —
Кто божественным словом
Фиванцев теснил,
Кто сумел избежать
Идиотской резни
И ушел, ограничившись малым.

Это было у моря —
Там море везде.
Мы с друзьями молились
Вечерней звезде,
На песок соскочив с колесницы,
Пили пиво из амфор,
Вино из мехов
И, по-моему, не
Совершали грехов,
Не стараясь друг другу присниться.

Но когда над заливом
Витал перегар,
Тут я вспомнил,
Что семеро — против Мегар!
Да, мне кажется, именно вспомнил!
И вскочил, совершая
Телесный бросок,
И слезою смочил
Мегаридский песок,
И пеан громозвучный исполнил.

И теперь,
Пока солнечный
Щит не остыл,
Я листаю листы,
Поднимаю пласты
Своего гениального мозга
И люблюсь, как там
Халцедоном горит
Отчekanенный берег
Земли мегарид,
Ибо время настало,
И прах обагрит
Кровью консула
Черная розга.

9–11 января 1991 г.

* * *

В марте вечером — помнится, помнится —
Вечерами, в сияньи Венер...
Чем закатные краски наполнятся
Разрисованных туч? Например —

При умеренном воображении —
Холодами, цитатами из...
Только реки в подледном скольжении
По пескам устремляются вниз.

Путешествия, пешие странствия —
Кто живет в лучезарном дворце?
Через розовый вымысел царствия
Арбалетчик берет на прицел

Ту, что только сияет над улицей,
Указуя на западный флот, —
Но военные струны обуглятся,
И тяжелый, мороженный плод

Гесперид (так куда же вы метили?)
Упадет, начиная отсчет.
Лишь небесные краски отметили
Как великое время течет,

Как темнеющим Солнцем обещаны
Холода превращаются в рай,
Да блестит одинокая трещина,
Исчезая сквозь западный край...

ок. 14–19 марта 1996 г.

ЭОС ОСЕННЯЯ

Вышла из мрака
Тысячи лет назад,
Столь же молодая,
Как рассказал поэт,
Мимо Афона,
За Пропонтиду, где
Мощные реки
Воют в степной пыли;
Солнечный остров! —
Мимо него пройдя,
Встречная тень
Ищет меня в лесах,
Рокот колес,
Рельсы, цезуры шпал,
Белый туман,
Дремлющий в поймах рек.

Выйди с вокзала —
Семь раз обернулся год.
Спутница (случай,
Однажды, в огнях, в толпе)
Вышла из мрака,
Как будто молодая, но
Снова листва облетела, —
И след исчез.

Из Фенноскандии,
Где можжевельник дюн,
Или болотами
В дельте большой реки,
В море осеннем
На маленьком островке
В недоумении
Как не застыть, когда

Выйдя из мрака,
Все медленней с каждым днем
Так же походит
По северным берегам
В желтом венке,
Над предместьями городов,
И отпечатки сандалий
Заносит снег.

26 сентября 2000 г.

ОТПЛЫТИЕ

Галантное празднество.
Остров Кифера. Отъезд.
Кричат попугаи
На веточках хором. Отъезд.
Прибытие свиты.
На примусе — яблочный мусс
Взбивает крылом махаона
Хранитель ворот.
— Приплыли, приплыли!..
Ты шепчешь морей имена,
Костер догорает,
Великое утро идет.
А если рога
В кринолине запутались — что ж,
Падение нравов
Известно соседям страны.

В высоких прическах,
Что складывал опытный мэтр,
Расходуя пудру и крем, и бочонки духов,
Печальные мышки
Свистят ариозо Рамо
И лапками с лент
Обивают дорожную пыль.
Когда же прибытье?
На пристани старый лакей
На остров Киферу
Навел театральный бинокль
И видит простор
И дорожную пыль под водой,
И спины каретных колес,
И вязание дам

Отпльвших... Так вот почему
Был задумчив Тритон,

Что вечно трубит
Посреди небольшого пруда!
Когда Трианон опустеет —
Листва опадет
На плечи поэта,
Грустящего в черном плаще
На мокрой скамье
У аллеи, ведущей в Блуа,
Где листья плывут по Луаре
Вослед кораблю
На остров Киферу,
Откуда в холодный дворец
Не ждешь возвращенья,
Гуляя в осеннем саду.

16 сентября 1994 г.

ПАВСАНИЙ

Давно... Точнее указанья —
Когда — представить не могу.
...Гласило водьское сказанье:
На вод пустынных берегу

Плененный хвойными лесами
Принес торжественный обет —
Кто? Не поверите: Павсаний,
Известнейший перизет!

Здесь нет классического лада,
Но должен быть! И был он прав:
Когда полярная Эллада
Взошла, Карелию поправ,

Довольно шевельнул усами,
Захлопнув золотой брегет —
Кто? Разумеется, Павсаний,
Классический перизет!

Но ты промчался, век металла,
Оставив символы одни,
Чья прелесть отблески метала
На к нам приближенные дни.

И кто купеческие сани
Промчал в снегах кровавых бед?
Конечно, римлянин Павсаний,
Аттический перизет!

Потом — кровавым воскресеньем,
Потом — военным холодком
Звонят листы. Но во спасенье
Кто машет золотым платком

Зари над вешними лесами,
В венках волнений и побед?
Ну, разумеется, Павсаний,
Блистательный перизет!

О, вакханалия эолок!
Ветра, срывающие гнусь!
Когда прибудет археолог,
Я призраком к нему пригнусь,

Но он воскликнет: «Знаем сами,
Все — в сей болотистой тайге,
Так как ее под небесами
Другими описал Павсаний,
Прекраснейший перизет!»

3 марта 1997 г.

КОМЕТА

Весенней ночью хвост кометный —
Не се ли символы? О нет!
Едва ли истинны приметы
Коловращения планет,

Едва ли то, что наблюдали
В начале века — рок. Засим
Не мир, но мозг наполнил дали
Впоследствии — водой Цусим,

Огнем Мессин — на блеск кометный,
На мудрый атлас свет пролив,
Где огнедышащая Этна
И содрогнувшийся пролив,

Где в безднах неба странный окрик
В ночей зияющую пасть:
— Мои сандалии намокли,
Мгновенье — в океан упасть

В сиянии смертном звонкой меди,
Из-под Палладовых эгид...
...Так кто ж — летящий к Андромеде
Или плывущий? Где круги

Кометных линий? Суть явления
Вполне понятна и проста.
Многообразные сомненья
Над семиотикой хвоста

Не есть научные предметы.
Скорее — да, возможно — нет.
Едва ли истинны приметы
Столь замечательных комет.

3 апреля 1997 г.

ЛУЖА

Ни солнца (увы!), и ни снега (ура!),
Ни льда... Я задумался даже.
В сезонных озерах земная кора
Свои отразила пейзажи.

Бесцветное небо в бесцветном шатре —
Пустоты, приятные оку!
В одну заглянул — и увидел портрет
На фоне мерцающих окон.

Ресурс вдохновенья исчерпан до дна,
Глубины сменились на мели,
Два облака, дерево, ветка одна
Сказали «весна» как сумели.

Я снова задумался — и повторил,
И вынул тетрадь, и продолжил:
На дне Адриатики — камни да ил,
Над ними — гондолы и дожи,

Богатая Истрия, львиный Собор
Воротами царскими к Фуле...
Опавшие листья оклеили борт,
Пробитый серебряной пулей;

Пушистые ветви склоняет тоска
Плодами душистыми к Еве,
Пока над Европой моря расплескал
Борей, не по-вешнему гневен,

По тучам — учебник свидетельство даст,
И вот, на берегах половодья,
Донельзя трескучий обрушился наст
В гондолу его благородья,

В пучину, державшую нос и корму,
Которую крокусы выпьют...
Пока не случилось — до дна донырну
И надпись нескромную выбью:

Sic transit aevitas — как буквы остры!
Как наледь ломается громко!
Ни солнца — но серые ветви пестры,
И в красном луче три прекрасных сестры
Ступают на тонкую кромку.

4 апреля 1994 г.

ВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Отольдилось Балтийское морюшко,
Отражая весеннюю клубь.
Спохватилась, витийствуя, корюшка
Посетить океанскую глубь.

Дескать, тут катера с адмиралами,
Шлиссельбург, надоевший канал...
Днища шхун обрастали кораллами,
Мореplаватель лот окунал

Меж гранитных полос с органичными
Добавленьями мраморных плит,
Ибо здесь берега ограничены,
В смысле том, что одеты в гранит.

До залива, на всем протяжении,
Рыбьи стаи пронзают насквозь
Тень дворцов и мостов отражения,
У меня упомянутых вскользь.

Потому что за блещущим, за морем —
Серой лошади в гриву и хвост —
Стражи моря, блестя протазанами,
Охраняют сияющий пост.

Солнца падают, падают, падают,
По воде разбежались круги...
Кто же рыбьи маршруты угадывал
В окруженьи маршрутов других?

(и корюшка исчезает в сиянии)

30 августа 1994 г.

ПЕРВОЕ ПРОЩАНИЕ С ЗИМОЙ

Отмечая число
Окончаньем зимы, выходишь
В снегопадную ночь,
Но уже наступило утро.
Только синяя тень
На деревьях, между снежинок, —
Вот и месяц февраль
Послезавтра пойдет на убыль.

Перейдя через реку
По льду — на песок, под стены
Петропавловской крепости,
Я провожаю льдину
И смотрю под мосты, —
Снегопад над малой Невою,
У восьми кораблей
Ровно двадцать четыре мачты.

Но в ворота войдем,
Так как слышится звон курантов.
И отметим число часовое —
Примерно 10, —
Вот как кончится мир...
На цитату из Тома Стернса
Невозможно свести —
Чем банальней, тем благозвучней...

Почему же февраль
Не такой, как всегда — с ветрами,
Синий свитер, хлопок
За спиною парадной двери.
Мчусь к воротам весны,
Ударяю в них лыжной палкой —
Но в ответ лишь гуденье
Восьмидести трех поземок.

И назад, по лыжне,
Так как тикает под перчаткой.

Обозначив минуты
Специальной минутной стрелкой —
Не звонит, не звонит...
За окошком — хотя в какое
Посмотреть?.. Или осень,
Гора с родниками склона,
Одинокое дерево
Водит по снегу тень.

Солнце движется — тень
Все быстрее, быстрее по кругу,
Как секундная стрелка,
Буран поднимая, мчится.
Колокольчик звенит,
Отмечая опять, опять же
Окончанье зимы
Окончанием этой строчки.

27 февраля 1995 г.

СТАНСЫ

Опять снега лежат без дела —
Плохое дело!
Триада граций поредела —
Их стало ноль.
Зима, зима... Бациллы гриппа,
Раскаты хрипа,
И полушубок с хищных криком
Уносит моль.

Под триумфальной аркой мая
Не понимаю —
Откуда снег, сугробы, стужа,
Туберкулез?
Озера солнце отражают,
Борей сражает,
И Персефона уезжает
Под стук колес.

Колчан сосульками наполнил
Владыка молний —
Юпитер, Зевс — имен изрядно
Для одного!
Но самый грозный тоже мерзнет —
Погоды козни!
И Ганимед вздыхает слезно
У царских ног.

А нас метели обвивают
И убивают.
Печально статуи кивают —
Увы, я прав.
Тоскую сквозь метели эти,
Грущу о лете
И пью покой в замерзшей Лете
Меж жестких трав...

23 апреля 1992 г.

МАЙОЛИКА

Театр и двор каретный — вас ли
Я вспомню через сотню лет?
Волы, склонившиеся в ясли,
Пастух, закутавшийся в плед.

Меж ними отблески летали,
Текло дыханье сквозь глазурь
Над терра-фермами Италий,
О чем подписано внизу.

Самовнушение? Мое ли,
Иль тех, что пляшут в облаках?
Но из классических майолик
Сия особенно легка

И чувственна... Весна продлится,
Вернувшись в облике другом.
Я, может быть, узнаю лица
Святых, столпившихся кругом.

О делла Роббиа! О, делла...
В покоях Зимнего дворца,
И нет счастливее удела,
И нет ни праха, ни конца!

12–13 мая 1997 г.

* * *

Не видно солнца, небо плачет,
И вечер, если по часам.
Косые стрелки время прячет
К покрытым в тучи полюсам.

Спешат заоблачные гости,
Пока не смыт привычный грим,
И их бамбуковые трости
Начертят след на спинах глин,

Пройдут, оставят город мокрым,
Про тайны света говоря.
Сверкнет вода на темных стеклах,
А заклинанье повторят —

Когда настанет вечер, золот,
И восстановлены дворцы —
Убийцы в бархатных камзолах,
Астрологи и гордецы.

16 апреля 1992 г.

Эпос

Он командовал армией
В дальней стране
(Династической бред,
Девятнадцать колен,
Втоптан в мокрую почву
Овес на полях).
Он командовал войском
Двенадцать веков.
Океан поднимался
В окрестностях нив,
И поэт забывал
Дописать эпилог,
Но из башни смотрел,
Как полями идут
Легионы, а ими
Командует он.

(Ах, какая заря
На вчерашнем балу!
Ах, откуда жасмин
В гобеленовых снах?
И, звезды не касаясь,
Я буду смотреть
В перепонки слюды
На высоком окне.
Девятнадцать колен —
Династический бред.
Но не вытоптать хлеб
На суглинках Земли.
И под розовый куст
У девятой версты
Не забыть положить
Сочиненья NN.)

За лесистым пригорком,
У двух хуторов,
На военной дороге
Колеса мортир
Отпечатались в небе.
Ударь в ворота —
И хозяин, услышав,
Подумает: «Дождь,
Или, может быть — снег.
Надо в книгу взглянуть —
Что тут принято делать,
Когда в темноте
Он командует армией
Дальней страны?
И крыжовник листву
Посылает вослед...»

Династический лес
На холодной заре —
Сочиненья NN
Отравили цветы!
И Священная роща
Поет в снегопад
Над речною долиной,
Напротив дворца.
В кабинете, командует —
Циркуль в руке,
По пергаменту. Листья
Упали на стол.
И проходят под окнами
Два часовых.
И фонарь запотел,
Освещая штыки.

11 декабря 1994 г.

РУМЫНСКАЯ МЕЛОДИЯ

М. Эминеску

На Север — Карпаты,
На Юге — Дунай,
На Западе — море,
К Востоку — оно же.
Правитель горбатый
Ведет племена
С колчанами из
Человеческой кожи
На Константинополь,
Констанцу, Констанц...
Над мертвой толпой,
Кипариса стройнее,
Безумные старцы
Пытаются стать
Костями меж тюльпанов
Надгробия Нея.

А кесарь все едет
У взмученных Сен.
Где красное знамя,
Где просто короста?
Базен вместо Нея,
Держава-музей,
У ложа — прокрусты,
У трона — прохвосты.

И если угасну
В ночном забытии
(Но памяти здоровой) —
Сквозь пыльные томы
Нордический абрис
Опавшей листвы,

Тропинки, ведущей
Из Лация в Томы

На Севере диком...
Ужели, ужель
У самых границ
Государева гнева —
Гаруспиков кровь,
Красноречие жертв,
Латинское право.
Латинское небо.

13–21 ноября 1992 г.

ГЕРМЫ

Кого провожает Гермес
Из гавани в вечер?
Как некогда флот афинян
Ушел в Сиракузы —
Разбитые гермы дорог
Означили миру
И Эгоспотамы, и льва
У стен Херонеи.

Какой Тимофей журавля
Узрел над Коринфом?
Над нами — крылатая сеть
И вышние реки,
Дорогами рассечены.
И как же увидит
Хозяин путей, наклонясь,
Свое отраженье?

Пора — не дубовый листок
У берега моря,
Не песня, не слово — лишь ветер
В моем макинтоше.
И можно ль сей град называть
Столицею мира,
Когда я отсутствовал в нем,
Еще не родившись?

Название дороги — и лес.
Ужели за каждым
Шлагбаумом — странная речь,
Клеймо на подкове?
И сумрачны в мокрой листве
Лакей и фореитор,
Встречающие сквозь туман
Звонящие гермы.

4 ноября 1997 г.

ЛУННЫЕ ЧАСЫ

Приморья лессовое лоно,
Стволы алеющих осин...
О, башня в центре Вавилона,
Лагаш с Гудеа — и Исин!

Для времени он так ли тесен?
В своем пространстве так ли мал?
Доисторический патеси
Сомнений сих не принимал.

Опутан вечными следами,
За междуречьями хранись
И Лисий Нос, забитый льдами,
И ты, парнокопытный мыс!

Где в индевеющие бельты
Нисходит вьюжистая гладь,
Раскачивая колыбельку,
Где неуместно умирать, —

Окован вечной мерзлотою,
И тленьем черт не омрачив,
Явись зарницею златою
Для времени красноречив.

Сквозь всевозможные наречья,
В обсидиановом венце —
Как призрак нового Двуречья
И сказочник теодицей.

5 февраля 1998 г.

СОНЕТ

Не ошибись в середине предложенья,
В туманном море, дремлющем вдали,
Бушующие страсти утоли,
Преодолев земное притяженье,

Чтоб с высоты узреть сооруженья
В холодных хлопьях, в солнечной пыли —
Куда еще народы завели
Восторг любви и тяга к размноженью?

Где нильских скал полуденное жженье,
И айсберг застревает на мели,
Где Нот и Эвр, и китайчонок Ли,
И царь богов в бессмертном окруженьи, —
Не прекращалось вечное движенье,
И таял снег, и крокусы цвели.

18 ноября 2000 г.

ЯНВАРЬ

Печать затихла. Оттепель в столице.
Пушай зима — но верно говорю! —
Пилонам снеговым не развалиться —
Сие не характерно январю!

Пушай уже достаточно проталин
Под теплым ветром западных морей,
И дождики по городу плутают, —
Обманчиво такое в январе!

Ужо примчатся гарпии Востока,
Полярными гирляндами горя,
И снявшим шубы отомстит жестоко
Холодное дыханье января,

Но, даже и предчувствуя все это,
С собою только зонтики берем,
Вступая в парк, где спутницы поэта
Восхищены остзейским январем!

14 января 2002 г., Царское село

ЛЫЖНАЯ ОДА

Пока снега — из туч на крыши,
И существует санный путь —
О кто достойнее напишет,
Опишет тропковую суть!

Не знаешь — не велеть ли в санки?
Поскольку знаешь — не велеть!
Но — вихрь небесным полюсам кинь,
Вступив на настовую ледь.

В аллеях фермерского парка
Снега шампанским увлажни,
Пока запутывает парка
Непроходимые лыжни

В ветвистый иней, половинчат
Не мир — но древо, кроны вьюг!
Вот-вот исчезнет март, но нынче
Ветра палаццо обовьют.

Чем дольше день, чем лето ближе,
Тем снег пушистей и белей,
Супрематические лыжи
В пурге мистических аллей,

И вьюга следом... Не копируй
Академизм парижских зим!..
Меня отравленной рапирой
Герой комедии пронзит,

Многофигурной перепалкой
Воспламенится снежный наст,
И, отбиваясь лыжной палкой,
Я улечу, в движеньях част,

За грани вечного начала
Разнообразнейших основ...
А вьюга вешняя дичала,
Сова восторженно кричала,
И снова землю раскачало
На девять с половиной снов...

март 1996, 1997 г.

Прогноз погоды

В последний день ненастного апреля
Прогуливаюсь в парке, содрогаясь
Ознобом, так как Ладогу и Выборг
Мы посещали в пик похолодания,
И я — о легкомысленный! — не думал,
Что можно простудиться. И извольте:
В последний день ненастного апреля
Отправившийся все же прогуляться
По Царскому селу, дрожу, потею,
Еще немного — и свалюсь под сенью
Аллей Екатерининского сада,
Меж Кавалерской ванной и Лицеем
(Народ исчезнет, сумерки и стужа
Запутают тропу, а утром рядом
С Турецкой баней или Арсеналом
Служебная собака обнаружит...).

Достаточно! И без того — снежинки
С дождем, как в декабре; сухие листья
Шуршат на льдинах Чесменского моря,
Под пеленою туч, особо плотной
В последний день ненастного апреля.
А нынешний, не менее ненастный —
Но майский день, — скорей всего случайность:
Вот-вот, сияя с голубого неба,
Светило оживит мои поместья,
Растопит снег, листвой украсит рощи,
И через месяц повода не будет
Писать под стук дождя и всхлипы ветра:
«В последний день ненастнейшего мая».

1 мая 2003 г.

ВЕСЕННЕ-ЭПИДЕМИЧЕСКОЕ

У нас не саванна, не Крым, не Магриб!
У нас по весне появляется грипп,
Поэтому, только почувствуешь чих —
Последуй советам врачей и врачей:
Купи аспирин и, глотнувши едва,
Ускоренным рейсом из Пулково-2
С шампанским для храбрости в небо взлетай,
Хоть в северный Йемен, хоть в южный Китай,
Где грипп, даже если и был, то зачах,
Сожженный Создателем в южных лучах!

Но если, проснувшись в холодном поту,
Ты в транспорт полезешь, подобен скоту,
Чихая на всех, в том числе на меня, —
Бессмертные боги, тебя обвиня
В желании гнусном народ заразить,
Найдут уже способ тебя поразить:
С kloкочущим кашлем, больным животом
Едва возвратишься домой. А потом —
Малина, припарки, таблетки как мин.
На месяц! Покуда корица и тмин
(Последний для рифмы) цветами луга
Оденут, и в смокинге старый слуга,
Ударом мизинца пронзая кокос,
Шепнет: «Поднимайтесь! Уже сенокос!»

О вирус, что ноздри мои запрудил,
По наши грехи ты до нас приходил!
Да будут дороги здоровья гладки —
Носите с собой носовые платки!
О доктор и фельдшер! Медбрат и сестра!
Да будет сарисса науки остра!
О Солнце! Скорее природу олеть,
Чтоб нам не пришлось так противно болеть!

3 апреля 2005 г.

* * *

Завывают русалки за Неревским,
Покрываются пустоши вереском;
Сладострастные вздохи на Плотницком —
Умножается, стало быть, род людской;
За речные глубокие заводи
На пароме отправившись в Загород-
Ский, почувствуем ночь бессловесную
Заказав, чтоб оттуда к Словенскому
Медовуху на лунном, на блюде нам
Доставляли, как принято в Людином,
Облаками, — да ветры попутные
В куполах заблудившись, напутали.

Только звезды, огромные осенью,
Отражает безбрежное озеро,
И любезен мерцающий лик его
Вдохновенью поэта великого.

3–4 сентября 2005 г., Новгород

РАННИЙ СНЕГ (САННАЯ ОСЕНЬ)

О санная осень —
Осенняя сень!
Осенняя сань
Шелестит по лесам!
Воздушным полозьям
Звенеть по листве,
Подушечкам снега
Хрустеть по листьям!

Виссонные листья!
Весь сонный восток!
Осеннего снега
Насенная шаль!
Закат, облетевший
Кленовым листом,
Утиною лапкой
Облапил леса!

Дождями размытое
Солнце — но сонм
Лучей золотых
Брошен под ноги псам.
О санная осень!
Осанный гарсон!
Осеннюю самку
Усами осань!

19 октября 1985 — июнь 1986 г.

ГОЛОЛЕДИЦА

Небо сводится звездными спадами,
Небосводными странными кладами,
Излучая лучами лучение,
Облучение и отлучение.

Снег за окнами вертится локонами,
Оплетаем промерзшими стеклами.
Дамы — дамятся, леди же — ледятся.
— Гололедица, сэр, гололедица!

Город — тень под гранитными латами,
Что ни день — по каналам распятая,
Утонувшая в прорубях льдинистых,
Голубиных, гранитовых, глинистых.

Вьются вьюги хвостами рыбьими —
— Ледоглыбие, сэр, ледоглыбие!

Я ступаю по мертвенно-хладному,
Выдыхаю и кутаюсь ладаном
Пред гранено-хрустальными храмами
С утепленными на зиму рамами.

Как люблю я с печальной миною
Наблюдать за гореньем каминовым —
За беленых пелен опылением,
Опаленных пален воспалением.

Искры светятся, вертятся, бесятся.
— Глухолетица, сэр. Глухолетица!

4 марта 1985 г.

ОКОЛОЛЕСИЦА

Лез на полозьях
По лунному месяцу,
В лаз заползал,
В пальмосинную лесицу,
Лунные блесны
В ноздрях моих светятся,
Около леса
Несу околесицу.

Нес околесицу
Окололесную,
Слезно слезал
С полулессовой лестницы,
Лунные блесны
Над лестницей носятся
В разноголосице
Многоколосьевой,

Многоколосице
Разноголосьевой
Ложные лоси
С лосихами лосятся,
Сном оснащенные
Носятся снобами,
Трубно зовут
Трубнозовными зобами,

Грозно стучат
Грызготрупными зубьями.
Левы ли, али а-ля саблезубие?
Сабли ль иль зубы,
Луною точение?
Красные губы
Вплетаются в черные.
Образно разные

Разности кружатся.
Разнообразные
Факторы ужаса.
Сводятся сутки
Бесследием суточным,
Ели обуты
В елей атрибуточный,

Ветви ольхи,
Как когтистая мафия,
Хрустнули мхи
Мягкокорочкой вафельной,
Хвои застыли в хвоилистом иле, и
Стыли Илии
В застольном бессилии!

Злобно гюрзая из зорь Алазании,
Я уползаю в туман осязания.

12 марта 1985 г.

САРИОЛА

Пена вод на глыбѣи лбины,
Парики на баррикады,
Я лечу через глубины
В перепадах водопадов,
Я ползу, дождем влекомый,
Сквозь еловые уколы —
Тихий омут, тихий омут!
Сариола, Сариола!

В струнном кантеле звучаньи,
Околдованным влеченьем —
Строф печальных обручанье
Золоченым облаченьем,
Струны рек перебирая,
Льется солнечное соло,
В царство — пламя, пламя рая!
Сариола, Сариола!

Там в полуночные глуши,
В звонах песен и терзаний,
Смотрят сумрачные души
Изумрудными глазами,
И скользят по лбам иконным
Золотистых взоров пчелы
В лед Онеги — неги лоно —
Сариолу, Сариолу!

Перестуки переступов,
Подо льдом костей круженье —
Пляска трупов вязкокрупых —
Отторжение отраженья,
Мчится мыслью через выси
В огнеалом ореоле,
В свите лисьей — Хийси, Хийси! —
Гибель, гибель Сариоле!

Ночь полярную приводит
В хутора, а так же в веси,
И от ливвиков до води,
И от люддигов до веси
Языком туманов дымных
Лижет красные мозоли,
Ледники натерли спину
Сариоле, Сариоле!

октябрь 1985 г.

СУМЕРКИ

День мигал, убегал, меднолиц,
Умирал на цветках медуниц,
Убирая из кубков отрав
Слезы рая росинками трав.
Просыпался клубок-голубок,
Солнце-лунный, дуок и двурог.
И клубил, голубил, голубел
На ночной чешуе голубей.
И звенел, — его песня ясна
Золотым меднозвучьем монет:
Кто же вы, воскресавшие в снах,
В набегавшей ночной тишине?
«Мы роняем рубины рябин,
Мы каналы ровняем, рябим,
Плоскодонным ковчегом пустым
Наравне с кораблями пустынь.
Это — логово. Это и все.
Это — логово. Логос на сем.
День склонился направо. Спи, Ной!
Это ветром шуршим за спиной
Те, грустящие около, — мы.
Мы сплетаем серебряный жгут,
Лишь блестящее око луны
Фонарей поцелуй прожгут.
Сколько факелов! Больше, чем лет...
Сколько ангелов! Больше, чем птиц».
В миллионах янтарных колье
Умирал на цветках медуниц
День. Мигал, убегал, меднолиц.

ноябрь 1985

ФАРР КАЯНИДОВ

Правитель Эран-шахра,
Великий Ардашир!
Сидеть на троне шатко
И вредно для души.
На Север — воет Каспий,
На Запад — дремлет Ван,
Пленительную сказку
Навеяла молва:

По высохшим озерам,
В покой солончаков
Брильянтовые зерна
Втоптала медь подков.
Они восходят лесом
Через дворцовый пол,
Пока персидский месяц
Наполнит емкость колб
Ночных лабораторий
Священных городов...
О, будет ли покорен
Хранителю трудов
Рецепт в стихах, неистов,
Что на свою беду
Орали акмеисты
В пятнадцатом году:
«Мы истину вторую
Вонзим в бока белуг»?

Пока они пируют,
Рука натянет лук,
Нога упрется в поле,
Родное для гюрзы,
Где твердь перемололи
Ильханские мурзы.

Но огненной карой
 Над хаосом вершин
 Взойдет хранитель фарра —
 Великий Ардашир.
 Зальют бездымным светом
 И славу вострубят:
 «Душа царя бессмертна —
Аношан ниван дад!»
 Не трон — но гор долина,
 Не балдахин, а свод,
 И фарр неопалимый —
 Живое естество,
 Свидетельство наречий
 На теле твердых глин,
 Где смысл не вовсе вечен,
 А клин сбивает клин,
 Но явное для слуха
 От надписи другой
 Идет движеньем, духом,
 Питающим огонь.

Нагорье. Море. Реки.
 Струющаяся речь.
 Возможно ль смежить веки?
 Достойно ль пренебречь?
 С небесного органа
 Великих звуков сток,
 Звон сбруи Папагана
 И свиты легкий скок:
 «Уд нас абар дах нишааст,
 Уд дад араст кехан» —
 Транскрипции напишут
 Уместные стихам,
 Покуда длится свиток
 По многоцветью карт,
 И преданная свита
 Не крикнет «*Фразафт кард!*»

На солнечной лошадке
 Над временем спешит
 Правитель Эран-шахра —
 Великий Ардашир!
 И огненная свита —
 Ормазд, не кто другой —
 Раскачивая свиток,
 Раскачивая свиток,
 Сплетается с пургой.

1991–16 февраля 1996 г.

ЗАКЛИНАНИЕ

Горных мест
По черным скалам —
Жрец, чей шест
В сияньи алом,
Царь да псарь,
Зари порог
Обивая,
Звезды просят
В вихри рая,
Произносят
Слово срока
То есть — Рок:

*Висам, ко эс зину-велю
Лаймигу ун лабу целю.*

Это — жест
Великой Воли.
Это шествие —
Не то ли,
Что царям
Велит обнять
Пламя бездн —
Покуда тускло?
Жнец сих стеблей,
Заратустра,
Постарайся же понять:

*Висам, ко эс зину-велю
Лаймигу ун лабу целю.*

Месяц чиркнул
О корягу,
Белены
Под сенью лягу,

Ягод этих
Тень объесть.
Пламя, пламя —
Рыжий веник!
С тем ли Знаньем
Встанет Феникс,
Что откроет
Эту весть:

*Висам, ко эс зину-велю
Лаймигу ун лабу целю.*

В сон ночей
На теплых рельсах
Сонм лучей
Вонзает Цельсий —
Жрец, чей шест —
Живая ртуть.
В небо — веер,
В землю — посох.
Это солнечные косы
Свите озаряют путь,

Тьма рассеется,
И после
Выйдет Солнце —
Рыжий ослик,
И у тропки,
На краю
Теплых волн
Песка и моря,
Светлый дух
В крылатом хоре
Скажет в сторону мою:

*Висам, ко эс зину-велю
Лаймигу ун лабу целю.*

ДЕКЛАМАЦИЯ (ПОЭМА)

(по следу)

Уж полночь... Попытаюсь изложить —
Пока покровы сна не опустились
На изголовье, стол, узор морозный,
За окнами заснеженный пейзаж —
Один забавный случай. Год минувший
На них был изобилен, и последний
Произошел в весьма морозный вечер
Пятнадцатого декабря.

В тот день

В музее знаменитого поэта
На Мойке (речка в центре Петербурга,
По-фински — Мья, зимою замерзает)...
Итак, в музее был назначен вечер
Поэта, что, как вскоре оказалось,
Был меньше знаменит, чем полагал.
Но, впрочем, все дальнейшие события
Я расскажу от первого лица,
Которым в данном случае являюсь.

Придя на собственное выступление,
Где ожидал толпу и ей готовил
Ответы в галльском изощренном вкусе,
Эффектный монолог перед антрактом,
Дабы венок лавровый (если честно —
И так давно заслуженный) с почтеньем
И гордостью принять, — я вдруг узрел
Пустые кресла в темноте партера!
Не странно ли? Вся публика была
Представлена лишь мной. И я же — автор!
Тактично подавив рукоплесканья,
Я обратился с небольшой тирадой,
Которую внимательно прослушал,
И начал декламировать...

Увы!

Что пользы в том, что тонкие созвучья
Дрожали в стеклах, снегом занесенных,
Что призрак обитателя бывшего
Вздыхал в пурге над Мойкой ледяной,
Что Бенкендорф бесплотный за рекою,
Раскаившись, с поземкою свивался
У бронзовой Фигуры, и созвездья
Сложились в строфы?

Аполлон и так,

Без этой декламации вечерней,
Был посвящен в наличие поэта.
Но временные странники... Они,
Как говорится, проходили мимо.
И затихали лэ и триолеты,
Не достигая раковин ушных.
И я ушел.

Распахнутые двери,
Поземка, двор, узор ограды Мойки...
Я выбежал в надежде заарканить
Хотя б кого-нибудь, и вдруг в снегу,
Увидев вереницу отпечатков,
Прочел, казалось, правду — так Бианки
Советует охотнику младому...

Вот этот след... Его я узнаю!
И вот! И вот! И этот! Как все просто!
Друзья мои! Как мог я усомниться,
Когда недоуменным шарил взором
В потемках зала?! Вы же были рядом,
Но миновали вход (толкал ли ветер,
Забыли адрес, выпили чуть больше)
И, видимо, плутаете в потемках
Недалеко того, к кому стремились.
Продрогли. Соболиные шинели
Согреют ли на набережной Мойки?..

Но что ж я медлю? Отпечатки свежи.
Я догоню вас, милые друзья!

И пусть придется повторить сначала
Преамбулу, насыщенную желчью,
И вновь стихи — для вас не жаль!

Нагнувшись,
Чуть не бегом, пустился я по следу, —
Сатиновая куртка развевалась,
Капелла завывала, через площадь
Несли гвардейцы снежной королевы,
На высоте — блуждающий огонь
(Наверное, полярное сиянье).
Зеленый мост. Дворец. Фонарь качнулся
И замигал... Следов заметно больше.
У Синего моста свернули влево...
Я семенил, изрядно наклонившись, —
Не много света в северных широтах,
Когда луна за тучами блуждает...

Следов все больше. Я не сомневался,
Что где-то, за ближайшим поворотом,
Почувствую душистые объятья,
Услышу: «Тимофей! А мы Вас ищем!»
Блеснут бокалы, пенная струя
Разрежет мглу, — и лучшие созвучья
Сопроводят обратную дорогу
В пустынный зал над Мойкою-рекой...

Гранит и снег. Тропинка. Отпечатки.
Но где же я? Какая-то ограда...
Пурга утихла, занавес туманов
Раздвинулся — и месяц озарил
Следы... И я смутился на мгновенье,
Как Робинзон босому отпечатку.
Как странно... Словно тут не только ноги,
А вот — копыто, вот рука, а вот
Как будто кость обнажена, а рядом
Замысловатый след от косовища...

Я вздрогнул. Снег. Просторная площадка.
Вокруг — следы: во впадинах, на кочках,
Вблизи оградок, на комлях деревьев,
На льду речном... На льду какой из рек?
Ведь их немало в нашем Петербурге...
Но как все тихо! Как недвижны кроны
Нагих деревьев, и руины Храма
Загадочно мерцают... Ну конечно!
Я вдруг узнал — Смоленка, близ Залива,

Старинный лес, чугунные ограды,
И холмики, и темные дорожки,
И тишина. Вокруг — ни существа.
Белейший снег, и круглая лужайка,
Покрытая какими-то следами
Занятой формы.

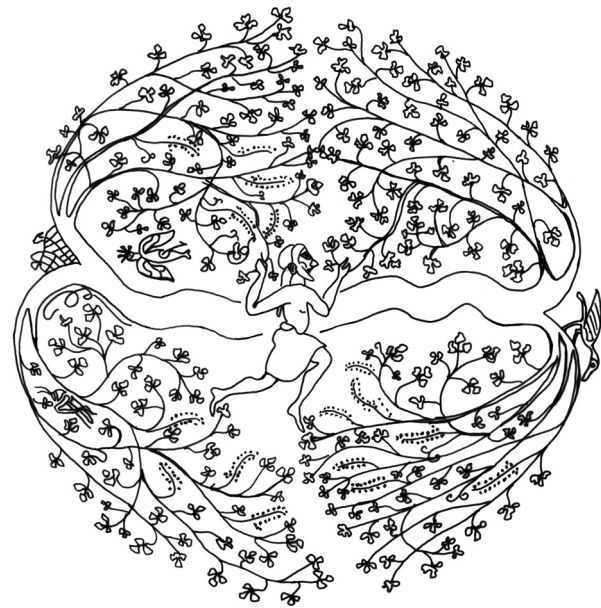
Я, переступая,
Невольно сделал шаг назад, — следы
Придвинулись, и за спиной как будто
Чуть скрипнуло — как кресло в царской ложе...
Ах ну конечно! Публика расселась.
О, сколько их! Виденья снеговые,
Готье, Жизель, изнеможенье Ганса...
Ужель и я погибну, утомившись,
Себя убив своими же стихами?
С чего начать? А может, попытаться
Изгнать их Приговым и Рубинштейном?
Я с удовольствием представил ужас,
Проклятий визг и спазмы отвращения
Моих гостей, паническое бегство...
Но вдруг они обидятся? Тогда
Несдобровать! Однако, не до шуток —
Не вой и не дыхание, но нечто —
И рукава засучены по локоть
Заснеженными сучьями деревьев!..

Который век? Разверзшееся небо,
Истлевший лавр... В последние снежины

Взметнулся саван — но взлетело слово!
И ночь пошла за стрелкой часовой.
Белел поэт, снег падал. Скрылись звезды.
Который свет несут нам стражи мира?
Они идут за тучами, их нимбы,
И колокол к заутреней у взморья...
Сквозь снегопад в пустующем музее
Встречаю день с молитвой на устах.

10 января 1998 г.

II ДЕРЕВО ЛОХ

ДЕРЕВО ЛОХ

Если корень оливы проливы прошел —
Как вернуться от дерева Лох?
От серебряных листьев, блестящих ветвей
И плодов, украшающих их?
В этих райских лесах — только дерево Лох
И серебряно пахнет полынь,
Да еще у воды говорят камыши
Про чудесное дерево Лох.

У серебряных вод — металлический блеск,
У колец — металлический вкус.
Если есть серебро без металла — оно
На опушке, где дерево Лох,
А за ним — целый лес из блестящих стволов
И листвы, и плодов, а шипы
Каждой ветви — вязальные спицы, когда
Дует ветер в серебряный лес.

Кто бы мог рассказать — на любой широте,
Над заливом, каналом, прудом, —
Что в степи серебристой, где жарко еще
Даже в самом конце сентября,
Я увижу чудесное дерево Лох
И попробую ягод его,
Как монету на вкус, и его серебро
Будет сладким и очень сухим.

Если едешь домой через тысячи верст,
У ворот на границе лесов
Обернись — горизонт покрывают снега
И багряные краски листвы,
И поля, и зеленая степь у воды,
И сожженная бурая степь,
А у самой границы небес и земли
Возвышается дерево Лох.

7 августа 1995 г., Приканальный

Ночью весенней...

Ночью весенней я пересек
Пять полноводных рек.
В северных рощах шумят дожди,
Нет ни листвы, ни трав,
Но, как минуешь водораздел,
Летним дохнут теплом
Склоны уже зеленых холмов,
Ветреница в лесах.

На перепутье путей и дней,
Около родника,
Вряд ли услышишь слова веков,
Тех, что давно прошли.
Земли настолько обновлены,
Что и фиванский плуг
Не извлечет из них ничего,
Кроме трудов и дней.

Ну и прекрасно: тирану вслед
Может прийти Перикл,
Тут же Иктин, Калликрат, Софокл,
Аристофан, Эсхин...
Фидий из ясеня и берез
Явится изваять
Ту, что заушает на ветвях,
Только зайдет заря,

Только укатятся за Ла-Манш
Тени иных племен,
Только в развалинах Помпиду
Сойка совет гнездо.
Так не отсюда ли новый день
Кносским огнем сверкнет,
И соберется под сенью лип
Новый ареопаг?

Не пустота, но простор! И вдруг
Тот, кто отверг Олимп,
Вновь запоем по вешним ветвям,
Будто не умирал,
Но перепутали рыбаки —
Просто ложился спать,
Тысячелетья прошли, — и вновь
Слышно его свирель.

Здесь зеленеют леса, холмов
Склоны уже в цветах,
Аист вернулся в свое гнездо,
Бегают муравьи,
И ни дорог, ни людей, ни бурь —
Только великий мир,
Дни, — а труды ни к чему, зане
Древле заведено:

Море от суши, от света — тьму,
Тернии и волчцы
Не пригодятся, когда покой
Свыше благословлен,
И за ограду, где шелест трав
Слышен под чешуей,
Чтобы вкусить неизвестный плод
Стоит ли выходить?

5 мая 2010 г., Минск — Гатчина

ФИШОВА ГОРА

О Фишовой горе преданья есть ли?
Не ведает поэт об этом вести,
О речке, что подошву омывает...
Я как-то в ней купался. И бывает,
Особенно весенюю порою, —
Какой-то гул над Фишовой горою,
Каку будто лес гудит и плещут весла,
И целый флот из Бергена и Осло
(А так же Або, Висбю, Олесунна)
В кильватерной листве за судном судно
К чухонским мхам и далее идущий
(Где прежде хам торжествовал грядущий)
Покажется – и сгинет за пороги,
Сквозь небосклон, где плавает двурогий
И пахнет сном, травой и корою
Над кладбищем и Фишовой горою.

16 июня 2007 г., Тихвин

ФИЛИППОВО ОСЕНЬЮ

Плетень, каринка и околица
У пожелтевшего Мошка...
Велес задумчивый уколется
Свинцовым шилом из мешка.

Выглядывай на расстоянии
И уходи, вplывая в даль,
В холодное солнцестояние
Над ранней осенью, когда

Леса скрипят над станций крышами
И тени бродят там, где Сить
Ползет сквозь лес огнями рыжими
Поля ночные колосить.

А утром холодно... Ну надо же!
А если надо — то кому?
Листва, слетающая на душу,
Принадлежит не одному,

А двум, ну — трем, возможно — более,
Но все равно — до десяти...
И в этом случае тем более
Родную землю посети.

Поскольку был, поскольку минуло,
Поскольку просто надлежит,
Пока невянущая примула
Над ранней осенью кружит.

20–24 сентября 1996 г.

САД В МОКУШАХ

Выйди в сад, перейдя дорогу,
Что совсем заросла травой, —
Пожелтели одежды яблонь,
А плоды на ветвях прозрачны,
Сливы падают с тихим звоном;
Легкий иней — а впрочем, скоро
Он в росу превратится, — солнце
Высоко еще ходит в небе.

В изумрудной листве орешник,
Зеленеет покос июльский,
Даже ветреница и клевер
Обещают весну, но тени
С каждым днем все длинней, все ближе
Колесница Феба к вершинам —
Так и ждешь, что свернет на речку
Напоить лошадей усталых.

Посредине большого сада,
Где калина, и хмель, и липы,
В паутинках стволов замшелых,
В час, как иней росой станет,
Можно встретить поэта, можно
И не встретить, но просто тихо
Провожать колесницу Солнца
По осенним цветам и росам.

12 сентября 2000 г.

БОЛЬШАЯ ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

В обители, образовавшейся
В связи с осенним плодородьем,
Построен замок символический
(Не воспевавшийся досель)
Экс-государем, бесновавшимся
То кодексом, то полководьем
И журналистам отдававшимся
В районе Пляс дю Каррузель.

Он как-то понял, что провинция
Порой святее, чем Елена, —
Не житие, но география
Свелась к Кастальскому ключу.
За европейскими границами
Тепло; когда трещат поленья,
Предпочитаешь Илличевского
Романтикам и первачу.

Растоплен иней телом Гектора,
Сентябрь оканчивался вяло —
Он слишком царственен для времени —
В сухих листьях и жирном льне,
Супрематические беркуты —
Над ветками уставших яблонь.
Закатных линии геометрия —
Чем искренней, тем холодней.

Вчера, открыв избушку милую,
Я снова вспомнил о монархе.
Конечно, это графомания,
Но ведь сентябрь — так как же быть!
Березки рыжими Далилами
По вечерам звенят на арфах,
И островок под красной мантией
Непозволительно забыть.

Охотники за горностаями
Пируют во дворцах столичных,
Легионеры Старой гвардии
Прислушиваются к трубе, —
Пока она звенит за ставнями,
Пока ее ведет язычник,
Покамест три пушистых месяца
Мурлычут на печной трубе.

О пользе оных излагается
В произведении... К тому же...
Но — наш монарх под красной мантией;
Скорее к острову! — Хотя
Вокруг листва располагается,
Замаскировывая лужи,
И незаметно разлагается,
Пока кончается сентябрь.

Закрою свет. Пор одеялами
Свернусь, прекрасно одинокий,
Увижу сон про осень в Дании
С О.К., В.Х., К.Х., Н.У.,
И листопад с инициалами,
И небосвод, весьма глубокий,
И короля на гулкой площади,
Где поселился в старину.

27 сентября 1993 г., Мокуши

РЕНЬЯР В ДЕРЕВНЕ

Мы читали Реньяра под деревом, вечером.
По затихшей деревне змея проползала
Отыскать корень яда, — название отмечено,
Мне последняя строчка его подсказала:

«Ты, который взлетел...» Буало адресовано
(И заслуженно, если так думает автор)
На цветущем кусте, облюбованном совами,
На старинном листе, переделавшем Плавта.

О хозяйка отеля, любовь и владелица
Комедийных актеров, читателей редких!
Наше время метелями надвое делится,
Словно по снегу тень от надломленной ветки.

Только вспомните пчел над застывшими липами,
Колокольчик в сугробе у синего яра...
За засыпанной снегом деревней Филиппово
На закате две тени читают Реньяра.

«Ты отнюдь не иной...» — Узнаете ли присказку
Перед пьесой «Менехм», переделкою Плавта?
Почему же зимой, на сугробе, изысканный,
На последней строке замерзающий автор

У небесной границы — в багряные полосы,
В золотых облаках восходящего пара —
Вспоминая страницы с неслышного голоса
Растворяется солнцем, читая Реньяра.

17–18 ноября 1994 г.

**В ТЕПЛЫЙ НОЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ
ПРОГУЛИВАЮСЬ ПО ОБЛЕТЕВШИМ АЛЛЕЯМ
НОВОЙ АЛЕКСАНДРИИ, АЛЕКСАНДРИИ
И НИЖНЕГО ПАРКА**

Ноябрь — по-настоящему осенний:
Где год назад сугробы возвышались —
Сухие листья; море не замерзло,
И плавает туман над Петергофом;
Заря восходит в дымке влажных веток,
Как должно в осень. Пять последних листьев,
Умышленно несорванных ветрами,
Отпугивают снег.

Вот год назад,
Едва октябрь закончился, как только
Я проводил гостей со дня рожденья,
Второго ноября — снега упали,
Мела поземка, как и через месяц,
И через пять... А ныне уж приятно
И то, что до весны не так и долго —
А все еще зиме не наступить.

Прозрачный воздух рощи над заливом.
В готической капелле служит ветер
В кленовых листьях, рыжих и тяжелых
От влаги. Волны дремлющего моря,
Кронштадт, высокий берег Монплезира
И тростниковый мыс у дальней речки,
Известный только мне. Морские ивы,
Дворец Марли и скалы под водой.

За Дачным, Стрельной, Лиговым, Поляной
Сосновой, за полями, за лесами
Выходите в готическом вокзале —
И в пышечную на опушке леса.

А можно сразу в лес — в лесу озера,
В озерах утки, пристани, заливы,
Потом — дворец готический, капелла,
И берег моря — там же, где и был,

Еще когда на свет я не явился,
Еще когда не посадили леса,
Еще когда капеллу не воздвигли,
Еще когда аллей не прорубили,
Не сделали дорожек — и не знали,
Что в ноябре — за несколько мгновений
До окончания — море не зальдится,

Но ласково уляжется в туманы,
И желтые песчинки в желтых листьях,
В воде ручьев, впадающих в залив,
По-прежнему прозрачны, и листвою,
Не облетевшей в теплом ветре, осень
Приветствует приехавшего к морю
В осенний день — у краешка зимы.

24 ноября 1996 г.

ПУЛКОВСКОЕ ОЗЕРО

Царица гор — высоким штилем
Опишем двор, любви полны.
Но здесь, за дюнами Голштиний,
Всего лишь гладкие холмы.

Чертополохи распустились,
Изысканны и не жестки,
А там, где сумерки сгустились,
Слежу сквозь пестрые листки

Движенье глобусного шара —
Тот композитор, тот тритон,
Влюбленный в хрупкую шушару,
В ее сиреневый хитон, —

На самом повороте лета,
Меж обработанных полян,
Где белый памятник поэту
Дымит сквозь гипсовый кальян

На перепутьи, у подножья
Холмов и зелени резной,
Полей благословенье Божье
Погружено в душистый зной.

1–5 июля 1997 г.

ВЕЧЕРОМ НА ПУЛКОВСКОМ СКЛОНЕ ВДЫХАЮ АРОМАТЫ ЦВЕТУЩЕГО ЛУГА, НАСЛАЖДАЯСЬ ЗАКАТОМ

Лес. У гряды моренной —
город-арена.
Многоцветочны травы
слева и справа.
Благоуханны, дики
липы, гвоздики.
Медоточивы соты —
млеют высоты.
В храмовой дымке, в дальней
роще миндальной
Крокус восходит снова
к ветке сосновой.
Шмель облетает склоны,
где благосклонно
Некий поэт, порою —
два, под горою,
Памятник и наследник —
первый с последним —
Пьют за софистов норда
долго и гордо.

Лавр осенил чело им,
время — пчелою
Мед разнесло по сотам
к спящим высотам,
Где в полумрак лиловый
башня Брюллова
К меридиану Нила
тень уронила.

12–14 июля 1998 г.

ПЕТЕРГОФ. СУМЕРКИ

Год проходил как всегда:
Лист опадал,
Я уезжал в Петергоф
Слушать прибой,
Или в вечернем дворце
Группе вослед
Перечислял имена
Спящих царей.
Выйди в Купеческий зал —
Золото риз,
Дремлют четыре сестры,
Слушая рог...
Сerp, виноградная гроздь,
Крокус, очаг,
И на плафоне шумит
Парк луговой.

Кто пригласил нас туда
В теплый январь?
...Озеро все в полыньях,
Куст бузины,
Розовостенный дворец
В летней росе,
Пахнет малиной, в ручье
Камни звенят...
Я загляделся на холст
Из бузины,
Пункты о парке своем
Переписал
До Семилетней войны,
Не пригласив
Бога франконских морей
Осень встречать

В сумерках, в гулком лесу...
Западный край
Неба укажет, куда
Пала заря,
Круг завершен, и опять
В спящем дворце
Двигаюсь группе вослед
В сонме теней.

14–16 ноября 1999 г.

ЛЕБЕДЬ

Гаечный пруд. Можжевельник.
Зевс белокрылый.
Где-то у мельницы
Всплески немецкой речи.
Утренний лес
Над цветами весенней поймы
Смотрится соснами
В темную воду. Теплый
Ветер слетает
С черемуховой тропинки,
Благоухая в низинах
К верхушкам сосен,
Желтой песчаной дороге,
К большому саду...

Полдень. На яблоне
Пчелы гудят прилежно,
Слушает цапля,
Бывавшая в Люненбурге,
Как зашумели
Долины озер и речек, —
Дождь пробирается
Мимо холмов еловых.
На придорожном граните
Поэт усталый
Курит сигару,
Любуясь лесным закатом.

11–12 мая 2000 г.

ВИСТИНО

Любезный друг! За лесом лиственным,
Развалинами на воде,
Имеется деревня Вистино,
К которой через Бельведер

Проедь, замедлясь по грунтовому
Покрытью... Нет! Притормози
Взглянуть, как чащей окантованы
Брега канала, что вблизи

(Укутан нимфами бессонными
В зелено-бархатный виссон,
Питающий струю Самсонову)
Журчит для избранных персон.

Но если ты — ценитель истинный,
Скорей в машину поспеши,
Дабы открылись тайны Вистино
Глубинам северной души!

Не я ль в заснеженной гостинице,
Когда туман ложился ниц,
Выискивал село Гостилицы
Среди усадеб и столиц?

Вступаю в парк, шумя туристами, —
Форели! Графские пруды!
Но что темнеет перед Вистино
У склонов Сойкинской гряды,

Гремя чугунными засовами? —
Копорье! Древняя герса,
Где камень, временем прессованный,
Оценивает коммерсант,

Блуждая с призраками близ стены,
Внимая прошлому с тоской
И ощущая дюны Вистино,
Где горизонт уже морской.

Лесов гуденью равномерному
Внимая, продолжаем путь,
Свернув у ядерного Керново,
Находим верную тропу.

И вот, вдоль берега, таинственно,
Целуя лужские уста,
Въезжаем в маленькое Вистино,
Где кровь ижорская чиста,

Где есть музей и экспозиция
Народа-моря на краю,
Что в вечность должен погрузиться ли,
Забыв историю свою?

Закат в морях, челнок у пристани,
Салака в отблесках костра.
Пока поет богине Вистино
Ее парнасская сестра,

Внемлю ижорскому... Поистине,
Как хорошо, что ныне жив!...
Луна снижается над Вистино,
На сушу невод положив,

Сгребая нас — с корнями, с листьями...
Бултых! — И в море унесла,
За горизонт ижорской Вистиння,
Июнь, десятого числа.

2–13 июня 2000 г.

КОНЦЕРТ

Послезавтра поедем
К цыганам рекой Великой.
Корабли наготове,
Трепещет шелковый парус,
Мэтрдотель на корме,
Изучая кильватер, правит,
Чтобы остров Белов
Не промчался мимо дракона.

Говорят, целый табор
И водки четыре трюма,
И от берега только
Пять верст по безбрежной глади
Там, где желтой струей
Ил Великой отмечен в водах
И у края небес
Одинокий берег маячит.

Мы уже не пойдем
К Эмайыги от Пийриссара,
Где за зыбью озерной
На узких улицах Дерпта
Раздаются шаги и поэзы
Звонящим эхом —
Мимо Пялсони, Сальме,
К лесам отдаленной Эльвы...

Лишь озерная гладь
Простирается к горизонту
И Великая с юга
Впадает желтой струей,
И блестят паруса,
И бокалы звенят, а в небе
Альбатросы уносят
Эклеры к любимым самкам.

14 мая 2000 г.

Летняя гроза, или классик на отдыхе

Когда в ветвях звучит симфония
Ветров — рекомендую смело:
Читайте Лонга и Помпония,
Причем желательнее — Мелу.

И хлещет дождь, и дальше некуда,
Скрипит сосна, и стонут ели...
Советую: откройте Непота,
Который, кажется, Корнелий.

Бежать домой не стоит: длинная
Дорога, в тучах — молний раны, —
Не лучше ль вынуть томик Плиния
Иль Марцеллина Аммиана?

Иль броситься в протоках ливневых,
Грозе прикрикнув: «Погоди, да
И так с пассажем Тита Ливия
Я перепутал Фукидида!»

И наконец в избе, на сеннике,
В небесны вслушиваясь воды,
Блаженствовать под строчки Сенеки,
Софокла или Гесиода.

июль 2003 г.

Речные тосты

Поднимаю бокал вина я
с девой Дуная!
На закате грозы хмурее
дева Муррея.
Заплетают в буруны флоксы
дева Вуоксы.
Ожерелье бросили в дар вы
для девы Нарвы.
Изумленные дремлют слуги
близ девы Луги.
Кто-то внемлет покой бессонный
в плеск девы Соны.
Антиноя так ли пленила
дева ли Нила?
Не жалел ли эллин обола
деве Тобола?
Солнце печет,
речка течет,
каждой кувшинке учет.
Вышел баркас
ради проказ —
явно имелся приказ.
Слева рукав,
справа разлив —
змеи горбаном ползли
там, где Дубок
очень глубокий,
плещется солнечный бок.
Смысла? О да, попросите
у девы Сити.
К волжскому сходят покою
с девой Окою
Там, где долины пологи,
девы Мологи.
Были — и в небо упали
звезды купален.

1 июня 1997 г.

ВАРИАЦИИ ЛАДОЖСКИЕ

Из Ладоги старой — на новую Ла-
Догу по протоке гондола плыла.
Изящные весла, изысканный вкус...
Гостям не опасен гадючий укус, —
Как неуязвимы до каждой мале-
Кулы — и курган, под которым Олег
В семействе подобных... По этому по-
Воду — над рекой составляю гипо...
Поймут с полуслова! Призвали варя...
Они — сквозь моря, да еще якоря,
Ростральный дракон, надувание ветрил...
Высокая тема! Не мелких Утрилл,
Но Энгра туалъ или Рейнольдса брашь
Достойны воспеть скандинавскую блажь,
Где Хельги и випер из темной главы...
Я вижу твой жребий! Увы мне, увy!

Но старая Ладога — это давно,
А мы путешествуем в Ладогу но...
Осенние (летние) краски (тона) —
На волховских дюнах, в бокале вина,
В гостинном дворе ли, на судорге лав...
Лучи догорели, а рифма была
В прибое, у краешка этой Венец...
И солнце другое возложит венец
На тень во плоти, что порхает давно
Из Ладоги Старой — на Ладогу Но-

P.S.

Вую, из которой на старую Ла-
Догу по протоке гондола плыла.

9 сентября 2000 г.

БЕРЕГА ФИНСКИЕ

На побережье залива
Редкого лива
Встретишь в октябрьский, колкий
Ветер от Колки,
Редкий горшок обожжется
В горне ижорцев,
Здесь поселившихся вроде
(Бы) после води.

Датским спешили проливом
Викинги к ливам,
Ставили крепости в устье...
Дальше — пропустим
Восемь веков; у похожих
Этносов тоже
Летопись Марсом листалась...
Что же осталось?

Не осенила олива
Памятник ливу,
Не появляется Один
К капищам води,
Или в ижорские — Тара
В латах янтарных.
Сопки, порою раскопы
Да перископы
На побережье морское
Смотрят с тоскою.

5 октября 2000 г.

ПОГРАНИЧНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

На эстонской границе — эст
Под луною любезных мест,
На латышской границе — лат
Под броней антикварных лат,
На литовской границе — лит...
Представителей их элит
В европейский возводят ранг
У горы, за которой франк,
И реки, вдоль которой сакс
Провожает фламандку в загс,
Где когда-то утратил лавр
Побежденный Мартеллом мавр.

Кто расскажет, в каких полях
Исполняет мазурку лях?
Кто подскажет, которых ласк
По ночам ожидает баск
В отдалении от этих мест,
Где заснул утомленный эст,
И промчался дождик косой
Над нейтральной полосой.

22 октября 2001 г.

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

У желтой крепости, веками,
Над кромкой моря, невопад...
Дорога со снеговиками,
Каньон, деревня, водопад.

Снежинки неких странных истин
Сквозь башню и вокруг нея,
И там, за берегами вистин-
Скими — синеет полынья.

Идут ижорские эподы —
Дух Калева с богиней Мут,
Возможно, что брахиоподы
Из этой кладки их поймут, —

И отгадается загадка,
Что изводила нас века,
И вспомнит Средняя Рогатка,
Как дикий смех снеговика

Скользит по отдаленным гермам,
Пугая кролика и лань,
Покуда Гелиосу Герман
Почтительно целует длань.

12 февраля 2006 г., Луга

ДВА СОНЕТА

1

Едва ли ощутишь, как Ладога стара,
Читая, что Ронсар адресовал Жамену.
Туманный март. Тепло наступит непременно —
Гудение шмелей, тяжелая жара,

Лучи над сопками, гадюки, мошкара
И теплая волна. Признаюсь откровенно:
Порою сим полям не предпочтешь Равенну,
Тем более страну, где прежде правил Ра —

На нашей долготе, на широте другой, —
Цари, вступившие бестрепетной ногой
В потусторонний мир, чтоб выйти вновь, — какого
Из них мы встретим здесь, с клюкою и Клико?
Туман рассеялся, и видно далеко,
Как падают с ветвей пушистые оковы.

3 марта 2007 г., Старая Ладога

2

Снег сходит в реку. Скоро ледоход,
Путина — сиг, лосось, форель и рипус,
И на холмах коров довольных выпас,
И за сморчками в ближний лес поход,

Туристов шумный рой, от них доход,
Закат в морях, свидание у рифа с
Русалками и, лихо закрутив ус
(А ля Вильгельм), спешить в подземный ход

Или к каньону Саблинских пещер.
Но сходит снег, и, кажется, в плаще
Не холодно, особенно под крышей...
Шумит листва, подумаешь сейчас —
Который век? Точней, который час?
Спроси — возможно, на небе услышат.

8 марта 2007 г., Старая Ладога

СТАРАЯ, СТАРАЯ...

Речек извилистых русла
И над курганами радуга —
Старая Старая Русса!
Старая Старая Ладога!

Снегом, насыпанным густо,
Вьюгой поэта порадают
Старая Старая Русса!
Старая Старая Ладога!

Коль недостаточно грустно,
Знаю — отправиться надо бы
В старую Старую Руссу,
В старую Старую Ладогу,

Не к Карамазовым братьям,
Не на могилу Олегову,
Где посетителей рати
Мчат за моими коллегами

Зреть скандинавские бусы,
Слух улаждая балладою...
В старую Старую Руссу!

В старую Старую Ладогу!
Волховом между и Рейном,
Или Дунаем и Полистью,
Муз повелитель! Скорей нам
Дай окончание повести,

Да не обманывай гнусно —
Мол, возродится Элладой
Старая Старая Русса
Вместе со Старою Ладогой.

Пафос фальшив и банален,
В будущем славы не видится
И на Петровском канале,
И на камнях Перерытицы.

Многие ль, кушая устриц
Под «Эспадриновой» падугой,
Вспомнили Старую Руссу
Вместе со Старою Ладогой?

Многие ль видеть хотели
Рядом с Большими бульварами
Эти леса и метели,
Якобы милые варварам,

Где, от мороза согнувшись,
Мчусь под дождями и градами
В старую Старую Руссу,
В старую Старую Ладогу!

19–21 февраля 2008 г., С.-Пб. — Петергоф

ВЕЧЕРНЕЕ

Как всегда начинаю за здравие
На дорожке из красного гравия,
У скульптур над зеленым прудом,
Вдохновляясь канадскими кедрами,
Не смущаясь промокшими кедами
И весьма надоевшим трудом.

Перво-наперво — к камню у парголы,
Где ворона восторженно каркнула,
А потом, мимо елей и лип,
Через лес, населенный оленями,
В голубой павильон направление —
Позавидовать музы могли б!

Тут и крепость, и море Потешное —
То-то лилии душу потешили,
Словно в детстве, в районе Дубка,
Где вода — словно гуща кофейная,
На которой, подобны Офелии,
Каждым утром — четыре цветка

За избушкой. Так что же мы делаем
Под гербом с апельсиновым деревом,
Над заливом, который не чист? —
Через город, огнями пылающий,
Устремись на вокзал Николаевский
И под скинию вяза умчись!

Но закатное солнышко мокрое,
Что и академической охрою,
И Минервой на куполе, и
Апельсинному древу подобное,
Подмигнет из-за моря по-доброму
И утащит в небесны струи.

Но, конечно, оставит ненужное,
Т.к. плотское, внешне-наружное
Не прихватишь же к Вечности в дом, —
Там, где мы начинали за здравие,
На дорожке из красного гравия,
У скульптур над зеленым прудом.

27–28 июня 2007 г., Ораниенбаум — С.-Пб.

ТРИТЛАНДИЯ

Когда-нибудь, Тритландию найдя,
Экскурсовод — под стрелами дождя
Иль в хлопьях снега, ибо здешний климат
Плаксивостью своей известен всем —
Соорудит изящное эссе
И будущим историкам подкинет.

Что, может быть, и не известно вам,
Но там, где нынче вырыт котлован,
Была страна, — ее примерный контур
От школы до соседних гаражей
(Конечно, в Лету канувших уже)
Напоминал Ориссу иль Голконду.

На юге липы, ивы посреди
И лужи с островами — проследи
Их матерьял — оно совсем не плохо:
Асфальт и гравий, трубы и бетон,
Где королевский спрятался тритон
Давно, еще в хрущевскую эпоху.

Строителей фантазии просты,
И что им стоит раскопать пустырь,
Не разобрав в отчетливом пространстве
Снега хребтов и заросли долин,
А между островами — корабли,
Влекомые богами дальних странствий.

Но что б не говорили чертежи,
Взнося над островами этажи
В зарю, чей блеск по-прежнему неистов,
Каких бы в твердь не погружали свай,
К Всевышнему стремясь сквозь крылья стай, —
Тритон в норе! И не судебный пристав,

Сердечный приступ, что-нибудь еще
Не выгонят того, кто воплощен
Сей местностью под рясками и льдами
(Зависит от того, какой сезон), —
И вновь бескрайним будет горизонт,
И череда пробьется сквозь фундамент.

11–15 июля 2007 г., Стрельна — Валдай — Коневец

Городок

Я здесь писал, — пишу и ныне
О том же или о другом...
На заметенной равнине
Есть городок, его кругом

За полчаса в санях объехав,
Увидишь церковь и посад, —
А колокольчик слабым эхом
Растает в лиственных лесах.

Мне ведом каждый обитатель
Сих ныне опустевших мест:
Поэт, естествоиспытатель
И нигилист несут свой крест

Из поколения в поколение —
Я к ним, пожалуй, не примкну,
Умчавшись в дальние селенья,
Где Сельма, Генрик, Ханс и Кнут,

Где красоту не упустили,
Где ужас света не застил:
Смотри, какие югендстили
Гранит податливый взрастил!

От островов, где знахарь Туслар,
И до владений лопаря...
А здесь, в последних бликах тусклых,
Крадется робкая заря

На Запад, по стогам и избам,
Полям любимым, но пустым,
Где этот стих не будет издан
Среди заснеженных пустынь,

И только мартовская темень,
Спуская вьюгу с поводка,
Гоняет зябнувшие тени
По переулкам городка.

9–11 марта 2008 г., Валдай — Гатчина

ДВА ГРЕНАДЕРА

*Во Францию два гренадера
Из русского плена...*
Печать на шенгеновской визе.
В окрестностях Форста
Сквозь сон — голубые огни
Светляков автобана.
Спускаемся с кручи
В туманное озеро — Дрезден.

О, знают — куда! На обочине —
Тень портупей.
В кафе близ Иены
— Не видели двух? — Как же, как же!
Минуту назад
Ели с вишнями взбитые сливки,
И косточки брошены в пропасть,
Но дна не достигли.

Все выше и выше —
Всего лишь Франконские Альпы.
Рассвет золотой, хвойный полдень,
И вечер на склоне
Среди виноградных плантаций,
В тени небоскребов
Немецкого банка
На Майне, купающем Солнце.

В столице Саар,
За бутылкой вечернего сидра, —
Еще раз: — А где гренадеры?
Рассказывал Гейне...
— Ну, что Вы! Давно уж,
Пройдя за Вогезы, Детайлем
Зачислены были в ряды,
И без отпуска служат
Второе столетье...

Восток придвигается в кресле.
Глубокий каньон
Между Гессеном и Иль-де-Франсом,
И городом Форстом на Нейсе,
Где два гренадера
Навстречу смеются
В мерцающих стеклах таможни.

15 ноября 1998 г.

ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ САД

Дороги пыльной бумазея,
Глагол шагов, веков пыльца...
От Люксембургского музея
До Люксембургского дворца —

Ни тротуара, ни панели,
Дорог, развилок и бугров,
Где увлеченный Кабанелем
Узрит достоинства Бугро, —

Так Минотавру от Тезея
Не спрятать страшного лица...
От Люксембургского музея
До Люксембургского дворца

Дорога вовсе не громадна,
Лишь через сон, невдалеке
Клубок бросает Ариадна,
И нить в трепещущей руке

Дрожит. Так по какой стезе я
Пройду к началу от конца —
От Люксембургского музея
До Люксембургского дворца?

Когда срывает лист с осины
Осенней вьюги помело,
Кто не любил читать Расина,
Не говоря о Буало?

В чьи дни, возвышенное сея,
Дотронулась рука Творца
Не Люксембургского музея,
Но Люксембургского дворца?

Но три столетия миновали —
Сие по датам уточнив,
Когда в апреле снег повалит
С бессолнечных часов ночных,

Прочту, от зависти мерзея,
Записки русского купца
О посещении музея
(Суть — Люксембургского дворца).

Дорога дня, царица ночи,
Восходит солнце — а потом
Задремлет стража у обочин,
Когда на диске золотом,

От ядовитости гюрзея,
Змея — движением кольца —
Укажет путь от Колизея
До Люксембургского музея
И Люксембургского дворца...

12–15 апреля 1996 г.

В гостиницу «Лилль»...

В гостиницу «Лилль»... Иль
В гостиницу «Рекс»?.. Снег
В финляндском лесу — су-
Ров северный край, рай
От которого близ, из
Которого лёт от
Холодных пустынь (стынь!)
К полдненным морям прям.

Покуда летишь — тишь,
Обеды вкусны, сны
Над Рейном кружат — сжат
Бывает порой рой
Их — и к Артуа, а
Порой и к Сите, — те,
Что прежде пленил Нил,
Но в стужу попал — пал

В тоске зимних дней Ней,
К дунайским полям — Ланн,
На Эльбе — Даву, у
Милана — Мюрат, ряд
Продолжит поляк... Ляг,
Окно отворив, и в
Заре обнаруж уж
Забытые дни... Ни

Гонкур, ни Жене не
Напомнят о том... Том
Закончен. Пора Ра
Навстречу спешить — шить
С разлукою в лад плат:
Моренной гряды льды,
Нордических выюг вьюк
Вдали от Дарю-рю.

12–17 октября 2008 г., Ивангород — С.-Пб.

Зимние ямбы

От галереи Камерона
Снега на Запад и Восток;
Вот там — владения Нерона,
Там — Брахмапутровый исток.

Над лесостепью, лесотундрой,
Над морем вдоль и поререк, —
Какой академист премудрый
Миры от хаоса сберег?

Отчетливей, чем у Жерома,
Изысканней, чем у Буше,
В потоках патоки и рома,
В фортеции и в шалаше,

Там, где река течет по лёссам
(Чиновник, джонка, шляпы шелк),
Он не нефритовым колоссом
К бездонной Вечности пришел,

Но голосом в осенних почвах
Сквозь дождь и листопадный гуд, —
И свищет вихрь, и никнет почерк,
И тучи снежные бегут

Сквозь мир Лоррена и Пуссена,
Сквозь хохот нимф и фавнов вой...
И где-то зеленеет Сена
За заметеленной Невой.

28–30 декабря 2009 г., Царское — Петергоф

СОЛНЕЧНЫЙ БОГ

Солнечный бог
Гонит коней,
Парк поглощает снег,
Сколько еще
Елей и лип
Будет поить родник?
Сколько еще
Разных руин
Следует озарить?
Камни в садах
Так же цветут,
Как в феврале жасмин.

С белой гряды
К синей гряде
(Видишь его бразды?)
Скоро в ручьях,
В легкой ладье
Нимфы споют пэан,
И на песке —
Тени листвы,
Нерпа в короне брызг!
Ноша плодов
Древним садам
Будет не тяжела.

Что-то опять
Колет в боку,
Холодно без кашне,
Что-то залив
Стал холодней
И обмелел канал,
Сколько еще
Пиний и пальм
Станет землей, когда

Снова пронзит
Знойный июнь
Тридцать шестой трамвай?

7 февраля 2009 г., Царское

ФИРМА ЛЕТА

Вот яблонево́ый сад, взлелеявший поэта,
В районе парников исхоженный не раз
У территории известной фирмы «Лето».
И город кончился. Лыжня ломает наст.

Над Пулковской горой — туманная корона,
И у подножия гранитный водопад.
Покинув парники, сотрудники Харона
Поднимутся на склон заснеженной тропой,

Любимою тропой счастливого поэта,
Не ведавшего бед, сомнений и досад,
Которые, журча, смывает фирма Лета,
Бегущая к морям сквозь яблоневый сад.

27 ноября 2001 г. Павловск

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК (ПОЭМА)

...Я вновь не посетил
Тот уголок, в котором жил когда-то,
Не ведая Серебряного века —
В век золотой. На камень верстовой
Едва ль потомки нанесут цитаты:
«Осинники», «Дорога на Мошную»,
«Шумел листвою вяз»... Едва ль скамья
Под вязом, где когда-то чистил рыбу,
Вновь созданная, с надписью музейной,
Украсится цветами. И ученый
Экскурсовод заметит: «Здесь к реке
Спускается тропинка. Эти грядки,
Засеянные прежде кабачками,
Воспеты во второй главе поэмы
“В лесу после дождя”. Пушистый кот,
Чуть ниже упомянутый, — в сарае
Ловил мышей. Вот столб мемориальный
С недавно обнаруженным фрагментом
Поэмы процитированной... Тут
Прошу вас вниз, на речку. В этом месте
Поэт купался, ставил на ночь лодку.
Вот здесь — змею увидел. Ежегодно
Сюда их выпускают, чтобы было
Все как при нем... В тени второго вяза
На склоне первого десятилетия
Он размышлял о Шпенглере и Рильке
(Экскурсовод приврал — я ни о чем
Таким тогда не думал, возвращаясь
С реки с ведром воды, пучком редиски
И лилией на шее)... Чуть левей —
У одинокой ели, на лужайке,
В июне семьдесят восьмого года
Он слушал передачу о Самосе.
Позднее — вот на этом сеновале,
В пятнадцать лет... (туристы покраснели)

У этих лип... и вон под той березой
Он написал “Дай, Джим...” — ах, нет, другое —
“Я встретил Вас...” Стихи обращены...»

Опушка. Лес. Малинник. Неужели
Разросся он кудрявой этой рощей?
В кустах шуршат потомки мной убитых
За выгоном... На этом самом месте
Я написал про короля Артура
В стихах, напоминавших Лорелею
У Гейне... Вот Дубок и Староречье,
А вот и дуб заветный — целых три.

Как предсказал Замятин в «Новом доме»,
Так получилось: полтора десятка
Стихотворений, языка достойных,
И несколько поэм... И если б кто
Решился здесь устроить заповедник,
На сицких берегах — ему бы строчек
На камни не хватило, и к тому же —
Где камень взять в болотах торфяных?

Отговорила роща по латыни.
Филиппово, Гаврилово, Крутая —
Неведомы литературоведам —
Встречают осень. Опустевший лес,
Прославленный в неизвестных сочиненьях,
Лет через сто не посетит ли призрак
В венке лавровом, с шариковой ручкой,
В лаптях и тоге, на вечерних зорях
Взывающий печально: «Здравствуй, племя
младое, незнакомое...» в тумане
У Орлева и Шаморской дорожки
Пугая запоздавших грибников...

30 сентября 1998 г.

III

ЛЮБОВЬ ПОЭТА

БАШНЯ ЗЕНОНА

Башня Зенона —
Наверно, кто-то
Жил, называясь Зеноном,
В башне
Белой, у южного
Края хоры,
Кушая мидий
С вином Фалерна —
Впрочем, не лучше
Вина, что здесь же
Производилось.
Лишь из бойницы
Руку протянешь —
В нее ложится
Гроздь, оставляя
Сладкие капли.

Вышел и видит:
На крыше, возле
Амфитеатра,
В районе Пникса,
Русский писатель
Срывает кисти,
И в бороде
Его исчезают
Желтый мускат,
Кисло-сладкий рислинг,
Ягоды черного винограда.
Но поцелуй
Соседки смуглой
Слаще гораздо
И аппетитней.

Теплая кровля
Листвой укрыта,

Спелые грозди
Сочатся соком
В долгих объятьях...
Струей тягучей
Сок и желание
Через крышу
Каплет на ложе,
Где спит супруга,
Видя во сне
Корабли Агриппы
И вспоминая
Упругость силы
Центуриона
Гая Метелла.

Многое знает
Зенон бывалый:
Спелые грозди
Блеснут росой,
Выйдет писатель
На берег моря,
Прыгнет в пучину
За южным мысом,
На самолете
Взлетит Елена,
Книгу супруга
Прочтет и скажет:
«Много приятней
Смотреть на волны
С башни Зенона
Над Карантинной».

август 1991 — 3 мая 1997 г.

СОЛНЦЕВОРОТ

Соне Неймарк

Вьюжным ветром обессонен,
Слышу стрелки поворот:
Год ко дню рожденья Сони
Совершил солнцеворот,

Пробегаю по пробелам
Вихрем снежным, снегом белым...
Ну-с, короче говоря,
Начинаем с января.

В январе-то...
В январе том
Вьюга ходит по каретам
И выпрашивает фунт
Бриллиантин и рубинин,
Да городской Дубинин
Попирает мерзлый грунт.
В феврале же,
В феврале же
(Я) пою *tombe la neige*
Между Невским и дворцом...
Повернем его торцом
К этим мартам, мартам этим,
Диадемою отметим,
Особняк дадим в песках,
Чтоб на клетчатых носках
В гололед и в наледь, наледь...
Как же тут гостям не налить
За апрель не рядовой!
При Петре ль городской
Заведен? А ныне их-то...

Зеленеющая пихта.
Перелетным не внимай,
Месяц следующий...
Ай! —
С облаков заря упала —
Посреди огней Купалы
Ходит, — песню не мою ль
Выдавая за июль:

«В той ли Тойле, в август (густ ли?) —
Стой ли в стойле, строй ли гусли
На сентябрьские лады
Под созревшие плоды»...
Где возьмешь городского
Для имения родового,
Чтобы листья сторожил?...
В желто-красной сетке жил
Пал октябрь, холодным ядом
Скорпион свернулся рядом,
Вот, с небесного лица,
Спишет Суриков Стрельца.

Он повешен на рябине,
Он трубит в военный рог,
Через звездные глубины
В небо вышел Козерог, —
И огромен, поднебесен —
Много снега, много песен,
Хор, с пургою унисонь,
Славя лучшую из Сонь!...

декабрь 1994 г.

ЛЮБОВЬ ПОЭТА

Т. И.

1. БАЛЛАДА

Под блеском лунной половины,
Над полем снеговых лощин,
Вы грезили — всегда невинны,
И что до прежних двух мужчин!

Взвивались выюжные лавины,
Впивались снежные клещи,
Но оставались Вы невинней
Каких угодно двух мужчин!

Бросаясь к Вам в бурун перинный
На крыльях вьюг — не без причин
Постиг, что Вы — душой невинны!
Там не было тех двух мужчин!

Звезда любви... Романс старинный...
Нет, мы его не омрачим!
Со мной ты более невинна
Чем и до этих двух мужчин!

И утром, полня кубок винный,
Навстречу Солнцу прокричим —
Мы вместе — стало быть, невинны, —
И наплевать на всех мужчин!

24 ноября 1995 г.

2. РОМАНС

Пусть колокольчик бьется по металлу,
Пусть замерзают реки в берегах,
Все та же ты, — ты мне целуешь пальцы
И даже больше — пальцы на ногах.

В венках из роз, на жертвенник разврата
Возляжем, элегантно и остры,
Я буду Вас любить любовью брата,
А Вы меня — с энергией сестры.

Встречая ночь в горизонтальном вальсе
Над мертвым настом северных пустынь,
Все та же ты, — ты мне целуешь пальцы
И даже больше!.. Снежные пласты

Летят на юг, в страну эпикурейцев,
От общежитий — сих бетонных юрт,
Где, кажется, любили Вы корейца,
И даже больше — Вас любил удмурт.

Ваганты льдин, безумные скитальцы,
Посмевающие коснуться Ваших рук,
Все тот же я, — я Вам целую пальцы,
Не выходя за лучезарный круг.

5 января 1998 г.

3. Письмо

Я не встретил, не Вас, не бывшее, и не оживило
В не отжившем, не сердце — но холодно, грязно и иней.
О письме не забыл — не подумайте, не тяжело
Написать и отправить, — лишь ветер бумагу подымет,

Понесет, понесет... Я примерный маршрут укажу
На уроке указкой — по века второму десятку,
Где в Москву и Воронеж в последнее время вожу
Силы Юга России... Где солнце и ветер вприсядку

От железных тропинок, дорог, покрывающих льном
Красножопую сволочь (простите сорвавшийся пафос)...
То слезой оросит, то прорежется в сердце больном
Парадигма событий. Историк отметит, что, пав, Ас-

Кольд (теперь заграничный) на ворох зеленой травы,
Пролетал ветерком над задумчивой Лысой горою...
Что Вы делали там, дорогая? Что делали Вы,
Покрывая ресницы пылью, а колени корою?

Аполлона и Дафниса, Дафну и Хлою, и Вас
Вспоминаю, — двадцатые числа теперь уже не за...
И, заметьте, не перед. Притих зачарованный класс.
Напевая письмо, почтальоны идут полонезом

К Вашим тихим воротам... Но Вы не пишите ответ!
И ни ночи, ни дню в синеватых снежинках не верьте!
Ваш любовник, поэт, то есть я, то есть просто поэт,
То есть просто любовник, имея потребность в конверте,

Не имел ассигнаций, имея потребность и в том,
И в другом (то есть в них). Но, поскольку классических
правил,

Получив — приобрел, написал, надписал, а потом
Потеплее оделся, пошел и по почте отправил.

4, 5, 8, 13 февраля 1996 г.

РОМАНС СОЖАЛЕНИЯ

*«Река времен в своем стремлении
Уносит все дела людей»*

Державин

Я вас любил. А некоторых — дважды
(Не в смысле биологии, но чувств),
И пусть стезя законобрачной жажды
Поэта не ведет к параличу, —
О где вы, где вы — те, что помогали
Пересекать незримые хребты:
Татьяны, Иры, Оли, Тины, Гали
И ты, мой друг, и ты, мой друг, и ты.

Два скрипача, цыгане, серенада...
Блестит роса, потрескивает газ.
Шеренги ног, раздвинутых как надо,
И я один — но массовый оргазм!
Подобное ль они предполагали
В тенетах сексуальной нищеты —
Марины, Юли, Ани, Светы, Гали
И ты, мой друг, и ты, мой друг, и ты.

Среди старух и евнухов бессонных
Унылых дней златозакатный ряд,
Пока вода особые муссоны
Питала на одной из горных гряд,
Ко мне в окно дорогу пролагали,
От похоти бесстыдны, но круты —
Оксаны, Насти, Лены, Любы, Гали
И ты, мой друг, и ты, мой друг, и ты.

Но в монастырь — к тому ж с моим аршином —
Нельзя. От сентября похолодев,
Вносили осень в глиняных кувшинах

Седые вереницы старых дев.
И в облаках безумием пугали,
Взирая с бесконечной высоты,
Наташи, Клавы, Аси, Лолы, Гали
И ты, мой друг, и ты, мой друг, и ты.

Река времен — пронзительно и просто!
Вставал торос, снегами отразим,
И я прощался, и Крестовский остров
В небытие за лыжником скользил,
Где в знак прощанья руки возлагали
На мрамор обработанной плиты
Те нежные, что жизнь передвигали:
Агафьи, Феклы, Ани, Тани, Гали
И ты, мой друг, и ты, мой друг, и ты...

9–11 марта 1997 г.

ЗЕЛЕНАЯ ЭЛЕГИЯ

О. Карпинской

Луга, березки с тополинками,
Шоссе, весна — но я печален.
Ужели ветерки пылинками
Картину мира омрачали?
Ужели лилии не брошены
К еще дымящемуся ложу?
И вновь мотив тоски непрошеной
В зазеленевшем сердце ожил.

Я ль, отправляясь в путь за озеро,
Не тосковал в глубоком стоне,
Пока копытные навозили
Простор потерянных Эстоний.
Соединив на карте нитями
Пути в вокругозерный эллипс,
Не возвращался ль к изумительной,
К которой ныне — не осмелюсь.

Когда под тропиками прерии
Промчалась свора серых гончих,
О, мы ли верности не верили?
И мой ли голос не был громче,
Не заглушаемый койотами
И дикой страстью приключений?..
Я тосковал — меж перелетами
Тобой гольфстримного течения,

Любовниц на постель наслаивал,
Но их упоминать не стоит,
Пусть не получено послание
Из пенсильванских травостоев,

Где пальмы машут полотенцами,
Где море пляжи оросило,
Где ты техасскую потенцию
В отелях запада вкусила.

Ну, пусть! В иллюминатор выгляньте:
Страна — луга и колокольня,
Не лучше ль было с мужем в Вильянди,
Чем с Дагом в хижине Линкольна?
Ужели, отражаясь Летою,
Теперь, как в прошлом — темной Ситью
В полях, как много лет до этого,
Цветы шампанским оросите?

Прощай! Зеленый шум кончается!
Ты вновь юна, свободна. Впрочем,
Каскады наших слез встречаются
За гребнями техасской ночи.
Забыто, минуло, заброшено...
Но вдруг, листвою вздохи множа,
Опять мотив тоски непрошеной
В моем ли только сердце ожил?..

28 мая 1997 г.

СУДАН

Вике

В объятьях голубого Нила,
Где спрятан в лотосы Хартум,
Не ты ль, не ты ль меня пленила
В закатный час, в речном порту?
Я посылал тебе папирус
(Река ль его не донесла?)
С вином языческого пира
В гербе нубийского посла.

Ужели лилий паутина
Поймала хрупкую ладью?
Но — Асуанская плотина! —
И лодка треснула — адью,

Царица! Что нам перемены
В нубийских таинствах Напат,
Когда иного Эргамена
Зовёт суданская толпа,

Когда, кочевникам на горе,
Пронзая куполами даль,
Над Абиссинским плоскогорьем
Царит сияющий Адал?

Но — алебарде ли, сохе ли,
Лучу, чей ореол белес —
Вспахать безбрежие Сахеля,
Ограбить плодородный лёсс.

Такой, как ты, не повториться
Среди Викторий, Тан и Ньяс!..
И приплывет письмо, царица,
И ты прочтешь его, смеясь.

3–5 июня 1997 г.

ПРОЩАНИЕ

В моем отечестве
Нет порока.
Форели не разбить лед.
Москва? Нет, не надо —
Уезжай поздорову,
Артистка театра марионеток,
Блондинка с берегов Селигера,
Где тени предков твоих
Шуршат ветвями берез.

Сить и Исеть.
Ярославская деревня
И уральский город.
Ваши лилии переплелись корнями
На гербе далеких Конде.
Их цветы пьют одну отраву,
Осыпаясь одновременно.

Белые, розовые,
Фиолетовые лепестки!
Какая большая гора!
Какое мягкое ложе!..
Какая суровая зима
Идет по нашим мостам,
Городам, музеям...
Я читаю в библиотеке
Третье послание Эминеску
Над шершавым сугробом,
Где не будет имен.

5 декабря 1997 г.

ПЕТЕРШТАДТ

Н.

В отдаленном дворце — подчиниться
Воле бога, что мной овладел?
Ты юна, как мои ученицы, —
Обозначен незримый предел.

Но божественный лучник мишени
Не увидит ли в каждой груди?
И, поспешно бежав прегрешенья,
Вдоль Потешного моря пройди.

Пусть Ареич порхает, неистов,
И пуржистая туча близка —
Страсть желанья обрушь на туристов,
Превращая в поэму рассказ.

И, забыв о недавнем решении,
Растворяйся в любви января,
Где шалун все пронзает мишени,
Над заснеженным лесом паря

В снегопаде, но он не помеха,
В отдаленном палаццо, где Вы
Вновь услышите музыку смеха
И отчетливый звон тетивы.

19–21 января 1999 г.

РОМАНС СМирЕНИЯ

Вике

Так в озере — большому кораблю,
Богам Янцзы — в пост-асуанском Ниле...
Я Вас любил — и до сих пор люблю,
А Вы меня вдруг взяли да женили!

Я пел поэмы (сточка по рублю),
Писал статьи о Юджине О'Ниле
И Вам писал (поскольку Вас люблю),
Но то стихи, а Вы меня — женили!

Осенний Павловск. Гулко. Я рублю
Лишь правду! — Здесь аллеи сохранили
Две наших тени... Я же Вас люблю,
Как и тогда! А Вы меня — женили!

Но вдохновение — нет, не погублю,
Но пригублю из чаши Гебы, или
Из Ваших уст, — я дико Вас люблю,
Хотя бы Вы сто раз меня женили!!!

11 ноября 1999 г.

САДОВАЯ СОНЯ

Соне Неймарк

Закутавшись в плащ, при осеннем муссоне
Я думал: «Бывают садовые сони!»
И тут же садовую соню представил...
А волны огромны, и мы не пристали,
И Запад зловеще багрян-полосат...
И, чтобы отвлечься, я выдумал сад.

В волшебном саду, никогда не муссоня,
По травке гуляет садовая соня, —
При встрече ей усики облобызай
С энергиею очумелого зай-
Царящего в шляпе! Игривости рады,
Зеваки влезают на копыта ограды,
С восторгом внимая, как сонечкин сад
Теплом обнимает сейшельский пассат.

От тропика Рака — под собственный тропик!
Аллеи засыпаны вьюгой; нутро — пик
Морозов недавних едва одолев, —
Ликует! А новый рассвет, заалев
Совместно с закатом, сугробов рассаду,
Гуляя, бросает по Сонину саду,
Где Мартовский Заяц известно о ком
Вздыхает, увидев ее с поводком.

20–22 декабря 2002 г.

КОЛБАСНЫЙ ОТДЕЛ

Н. Курнант

С нашей встречи уже миновала неделя,
Я изрядно осунулся и похудел:
Мы с тобой повстречались в колбасном отделе
(Что меня понесло в этот самый отдел?).

Как обычно, мечтая в пути о высоком, —
Ибо вьюга, луна, под ногами песок,
К магазину прибитый желудочным соком,
Я вошел — и вскипел не желудочный сок...

Подождите! Коснемся ль возвышенных сфер мы,
Отраженные панцирем стынувших влаг:
Сквозь развалины псевдогоготической фермы —
Поцелуи Борея, расправленный флаг...

Ну конечно! Ведь это прицелился некто,
Только дверь освещенную я приоткрыл, —
Фимиамы, движенье, божественный нектар...
Вы заметили? Тени классических крыл

Над моими покупками, публикой, кассой
(Се ля ви, интерьер безнадежно убог!)
Из невнятных теней параллельного класса...
Сколько можно! Когда же безжалостный бог

Перестанет стрелять? Или, может (идея!),
Он промазал, и целью являлся не я,
А кассир? — Во дворце, постепенно худея,
Золоченую Кору из бездн бытия

Вопроси (в полумраке часы из прихожей, —
Ну конечно, куранты! И пение стрел!):

Промахнулся, не так ли? — О нет, не похоже!
Это ты, жалкий раб, вновь увлечься посмел!

Вьюжный ветер, темнеет, заря на манжете,
Увлеченных ворон упоительный карр...
Я не знаю, что будет в банальном сюжете, —
Разовьется? А может развеется, как

Темно-синий туман, что, задумчиво тая,
Мелодично поет, превращаясь в росу,
Над колбасным отделом, где, в высях витая,
Я тогда так и не приобрел колбасу.

10 декабря 2003 г.

ОЗЕРНАЯ ПАСТОРАЛЬ

Е. К.

Огромное озеро, солнце и катер.
Плыву в монастырь с восхитительной Катей;
Вот елки и шпиль отразились в волнах,
И ловит у пристани рыбку монах,
Сетями тревожа прибрежную ряску, —
А ну как туристки полезут под ряску?
Идет по лужайке Катюша; я с ней...
Любезный монах? Обернись, не красней!

Нам просто приятно быть вместе — еще бы! —
На острове этом — такие чащобы,
Такие поляны, такие кусты...
К тому же намеренья наши просты:

Где нежно звенит тростниковая пряжа,
Сперва — искупались с лесистого пляжа,
Потом — углубились в смолистую тишь,
Которой стихами едва ли польстишь,
К цветам ароматным... А после прогулки
Вернулись, где волны колышутся гулко,
И я, вдохновлен обнаженным брюшком,
Отметил поездку игривым стишком.

4 октября 2005 г.

КАРАКУМСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Вике

И зачем ты только, кумушка,
Улетела в Каракумушки?
Ведь возможно путешествие,
И буквально за гроши,
Даже с нашими доходами,
И авто, и парходами,
Хоть в Монако, хоть в Малайзию —
Так зачем к Туркменбаши?

Впрочем, ныне уж покойному, —
И, наверно, так спокойнее
Зреть зарю над саксаулами,
Углубляясь сквозь пески,
Чтобы сделать вывод правильный,
Кто тут: арии иль дравиды,
Между тем, как мы, покинуты,
Умираем от тоски.

И зачем тобой мы брошены
С нашей тещей, что непростена
Каждый день сюда является —
Помогает, но зудит!
Плюс депрессия весенняя,
От которой нет спасения,
Да с туристами общение —
Возвратись, освободи!

Сквозь закатный ломтик тоненький
Поспешь в туркменском боинге,
Хоть на иле, хоть на дугласе,
На почтовом кенгуру
От своей пустынной братии
С архео-мероприятия
Возвратись в мои объятия, —
А иначе я умру.

2–10 мая 2007 г., Царское — Петергоф

КРОЛИКИ НАД ЗАЛИВОМ

Joulie Gilbert

Город наполнен снегом,
Тучами и песком,
Но по соседству с небом,
На берегу морском,
Думает молчаливо
Некто, забыв уют:
«Кролики над заливом, —
Как же они поют?»

В город с зеленой речкой
Не возвратиться ли?
На ледоколе встречном
Новости о Жюли,
Может быть, привезли вы —
Там, в тайниках кают...
Кролики над заливом, —
Что же они поют?

В сторону Голодая —
Готланд в горжетке пен.
Кажется, холодает, —
Шкурку сменив, Ле Пен
Слушает терпеливо
В нашем лесном краю
Кроликов над заливом,
Ибо они — поют!

Им от Невы до Сены
Внемлют Дунай и Бельт,
Господом вознесенны
В горную колыбель,
И на листву оливы
Тучи слезу прольют, —
Кролики над заливом
Ласково так поют!

27 января 2008 г., Новгород

Кумулус

1

Я потерять сто евро не хотел,
Но падал снег, и льды хрустели звонко,
И мне пришлось отправиться в отель
Неподалеку от собора Сонка.

Отель тот назывался «Кумулус»
И был вполне в чухонском югендстиле, —
Многолюбезным ларам умилюсь —
Спасибо, что меня сюда впустили!

Неэкономно, — но вокруг пурга,
И в небе блещут северные тяхты,
А жизнь так коротка и дорога, —
Так за покой сто евро — не пустяк ли?

Тем паче, что приятный антураж,
Камин, витраж и на экране порно,
А за окном — похожий на мираж
Спокойный город, времени покорный.

И, глядя на него со стороны,
А не бродя отверженно и сиро,
Поднимем за историю страны
Бокал в Париже купленного сидра —

За Ленротта! За княжеский престол!
За Маннергейма славный подвиг ратный!
А утром — превосходный шведский стол
И по прибрежным дебрям — в путь обратный,

Чтоб, воротившись в дикую страну,
Трясаясь по ямам в Ладугу иль Руссу,

Рыдать, отдавшись вьюге и вину,
И вспоминать ночлег у «Кумулуса»!

2

Вике

Дорогая, о чем ты задумалась,
Обнажив соблазнительный торс?
Мы поедем в гостиницу «Кумулус»,
В городок, что зовут Таммерфорс.

Ну конечно, не на конференцию,
Как случалось с РСДРП,
Мы с тобой отдаем преференции
Разномастной веселой толпе.

Нас едва ли прельстишь мумитролями,
Аквапарком и прочей мурой, —
Но собор, декадентом построенный,
Воцарился над этой дырой,

И чащобы, вполне калевальные
(Здесь Север суров, но раним),
Очень кстати снегами завалены —
Не угодно ль проехать по ним?

Повстречаться с полярными пташками,
Услыхать бубенцы под дугой...
Ну а ежели будет подташнивать, —
В городок переедем другой.

Что там, глядя на карту, придумалось?
Здесь селенья друг другу близки:
Может в «Сокус», а может быть — в «Кумулус»,
Отдохнуть от российской тоски.

3

Я за Альпы летел,
Мне заря улыбнулась,
Я подумал: «отель»
И услышал: «Кумулус»!

Я в Бергамо вспотел,
Словно лето вернулось,
Но сквозь горы метель
Мне шепнула: «Кумулус!»

В «Тур д'Аржане» — коктейль
Над разбухшею Сеной,
Но умчался отель,
К Этуаль вознесенный,

Повстречался с Жюли,
Мне она улыбнулась —
Как мила! Но вдали
Прозвенело — «Кумулус»!

И — сознание с петель,
И — в безбрежные выси, —
В этих скалах отель
Мастер избранный высек!

Из Валгаллы привет
В архитраве навеян,
Чтоб пленился поэт,
Прилетев «Райан-эйром»!

И, покуда летел,
Сердце не обманулось:
Если надо в отель —
То, конечно, в «Кумулус»!

Над равниной равнин,
В запорошенной хвое,

Витражи и камин
От мороза укроют,

И воскликну тогда
В овитраженный сумрак:
«За уют среди льда
Сотня евро — не сумма!»

Здесь приятно пить эль,
И бодает луну лось, —
Превосходный отель
Этот самый «Кумулус»!

27 апреля — 7 мая 2008 г.

РОЗОВЫЙ БУКСИР

Когда поедешь из Рамбова,
Садись на розовый буксир, —
На нем и в Рим, и до Тамбова
Продаст билет тебе кассир.

Сломаешь лед, пройдешь каналом
Через Суэц и Волгодон,
По историческим анналам
В биологический поддон.

Снега и льды, не близок путь, и
Весьма опасен льдинный хруст,
Но по весне слетятся путти,
И черный дрозд, и Фрост, и Пруст, —

Смотри, какое окруженье!
И сотни дев по берегам
В охоте к страстному служенью
Готовы пасть к моим ногам,

Конечно, обнажась при этом,
И отдаваясь во всю прыть, —
Приятно все-таки поэту
На розовом буксире плыть,

Дабы доставил нас к началам,
Когда земля сойдет с оси,
Не кормчий с черного причала,
Но милый розовый буксир!

16–17 января 2010 г., Петергоф

ТРУСЫ (ПОЭМА)

Все вышесообщаемое — ложь,
Художественный вымысел, поскольку
Так принято, когда изображаешь
Действительность в своем произведении —
Ее отобразить немного косо,
Немного криво, чуть наоборот,
Перемешать события и страны,
И имена. А если Тимофеем
По-прежнему зовется мой герой,
То он — всего герой, отнюдь не автор.
И выдумана также героиня,
И не было истории подобной,
Хотя, конечно, быть вполне могла.

Тот Тимофей, что упомянут выше,
Любил кататься на велосипеде
И в магазин, и даже на Сенную,
И к Лейкину за Пулковские горы,
К Хованову на сумрачный Литейный,
К Севрюгину в Лесное, иногда
И в Лигово, конечно же — там Карчик
Живет... Возможно, этот краткий список
Покажется читателю нескромным
Уже сейчас, — а через 200 лет
Премудрый критик скажет, что погреться
Я захотел в лучах знакомых славы.
Так вот: я не хотел, а просто ездил, —
Не только к ним. И именно из тех
Поездок — об одной повествованье.

Невдалеке от нашего района
Лежит Новоизмайловский проспект,
На нем — студенческие общежития,
В них — разные студенты и студентки.
И я там был... Но в тот весенний вечер

Я ехал мимо, вспоминая Таню,
Марину, Аню, Олю, Поликсену,
Басманова и двух Екатерин...
Поехав по Московскому проспекту,
Я, кажется, подумал о Багрицком, —
С чего бы? И заметил на Обводном,
Что стали повторяться имена
Моих девиц — и, чтоб не повторяться,
Я выехал на Загородный, после
Направился на Север... Впрочем, адрес
Точнее называть не стоит, ибо
В прекрасном нашем городе немало
Садов и парков, набережных, уток,
Плывущих под чугунными мостами,
Украшенными бронзой золоченой,
Где отдыхает русский Лафонтен...

И я приехал, и расположился
На кухне, и беседовал немало
О собственной поэзии, которой
Сочувствовала милая хозяйка.
Потом, чуть-чуть поцеловав запястья
Ее, я написал стихотворенье
И, как всегда, изысканно прощаясь,
Совсем не собиравшись уходить.
Итак, в прощальном слившись поцелуе,
На полчаса мы удалились... Впрочем,
В ту ночь все было так же, как в другие:
Заря над крышей, ветер над Невою,
Жасмин вот-вот распустится, светает,
Чуть проступают линии на белом,
И холодно, и форточка открыта,
Над запрокинутой головой...

И вдруг (как услышали мы сквозь стоны?
На пике страсти?) азбукой-морзянкой
В дверь позвонили... Муж! Но что же делать?
Сперва нам не хотелось разлучаться,
Сперва, обнявшись крепче, мы решили

В экстазе оставаться до рассвета,
А утром мужа с лестницы спустить.
Но он звонил, и страсти утихали...
Я босиком в прихожую метнулся
И бросился на маленький диванчик.
Укрывшись одеялом и газетой,
Надел рубашку, галстук и пиджак.
Любезно, как спросонья, встретив мужа:
— А, Дима, здравствуй! — Тимофей? — Да, видишь —
Я тут вчера немного задержался...
(Замечу — это истинная правда)
— Прости, что разбудил. Не хочешь чаю?
— Да нет, спасибо... (были бы штаны
Одеты, — я бы мог пройти на кухню...)
И тут я вспоминаю, что забыты
Штаны!.. И даже, кажется, с трусами
В постели у хозяйки... И, конечно,
Хозяин обнаружит их! И сразу —
Предположив заломленные руки,
Движенья бедер, междометья страсти —
Поймет, когда прокушена подушка,
Стул опрокинут, кресло поломалось...

Тут спальня на мгновение отворилась —
По воздуху прошелестели джинсы —
Я разглядел браслет... И вновь замок
Защелкнул. А трусы мои остались
Как неопровержимая улика
Там, где уже не бушевала страсть.

Вдруг спальня отворилась, и хозяин
Вновь в коридор — не выбежал, но вышел.
Я, ожидавший потасовки, бури,
Попытки задушить меня трусами
Под кровожадный рев «Ага! Попался!» —
Услышал: — Тимофей? Ты что не спишь?
— Да так, не спится... — Может, выпьем чаю?
Поговорим... Ты к Розанову — как?
— Об этом мы поговорим на кухне, —

Ответил я и встал, одетый в джинсы,
И удивленно посмотрел на Диму —
Поскольку — ах! — на нем надеты были
Мои трусы! Любимые трусы!

О люди! Вы присвоить норовите
Чужую собственность!!! В негодовании
Я захотел потребовать обратно,
Но этого не сделал, лишь промолвил,
Дотронувшись до ткани деликатно:
— Какая прелесть! — И, похлопав сзади
(Хозяин почему-то отстранился),
Я уточнил: — Хороший матерьял!
Как славно облегает ягодицы!
Пошли, мой милый, выпьем чашку чая,
Поговорим о Розанове, Фихте,
Платоне, Диогене, Гераклите,
Эразме, Хомякове, Кузмине,
О том, что делал Винкельман в Триесте...

...И чай вскипел. Хозяин молвил: — Шпенглер
Был прав, сопоставляя Каролингов
С Романовыми до Петра, а после...
— Нет! — я воскликнул, — Освальд ошибался... —
И я сослался на свою работу
«О. Шпенглер и история», в которой,
Используя философа ошибки,
Отсутствие элементарных знаний
И нелогично-чувственный подход
(Порою сумрачный германский гений
Восторженно-придурковат, увы),
Опровергал систему соответствий.
И, к Диме подходя, заметил вновь:
— Нет, все-таки, отличные трусы!
— А вот Платон доказывал в «Ионе»... —
Хозяин произнес, отодвигаясь,
Что все стихосложение стихийно,
Что сам поэт — всего лишь передатчик,
А Монтескье впоследствии напишет...

— Позволь, — я перебил его, — ну, правда,
Отличные трусы! И я бы даже
Не отказался поносить... — ...и Маркс, —
Хозяин крикнул, отступая к спальне, —
На Гегеля похож едва ли больше,
Чем Эпикур на Канта... Выпьем чаю!
— Да, да, конечно! Но твои трусы... —
Я подходил все ближе, отступавший
Хозяин был у спальни, где хозяйка
Хихикала, кусая одеяло.
Я продолжал: — К вопросу о трусах:
Ты мне б не мог их поносить оставить —
Как с барского плеча дарили шубу?
Снимай же! Ну?!

Тут спальня отворилась
И милая хозяйка, в поцелуях —
Едва ли не остывших — мне сказала,
Что рассвело, что на велосипеде
Уж безопасно... И, простившись с ними,
Поцеловав ей руку на прощанье,
Двусмысленно «до встречи» молвив Диме, —
Я укатил.

Фонтанка, Летний сад,
Прозрачный воздух... Солнце поднималось
Над городом, заснувшим на рассвете,
И, подъезжая к дому, я заметил
Что именно сейчас расцвел жасмин.

Эпилог

Мы встретились недели через две
(С хозяйкой, разумеется, — хозяин
По-прежнему гулял в моих трусах
По гулким переулкам Петрограда).

Она мне позвонила... Летний вечер,
Мы встретились, купили лимонаду
И за город отправились. Уже
Все расцвело, уже косили сено,

И на лугах оно благоухало.
И распускался колокольчик рядом,
Когда она, любуясь облаками,
Надкусывала сладкий стебелек.

И я подумал... сразу обо многом
И ни о чем, следя за облаками.
Под нами — город. Над аэропортом
Сияет солнце. К западу блеснит
Едва заметный порт. И дальше — море.
А у подножья — храм, четыре сфинкса
Гранитную беседку охраняют.
Там наш автобус...

Я домой приеду
И смою пыль, а также запах сена,
И в спальне, в обществе своей супруги,
Откинув одеяло, обнаружив
На простыне случайные трусы,
Не удивлюсь — но, восхитясь, воскликну:
«Вот это да! Вот это то, что надо!
Ведь именно такие, как мои!»

Она вздыхает, слыша запах сена...
Мы засыпаем. Ночь укрыла город.
Лишь запоздавший гость в районе цирка
Накачивает свой велосипед...

лето — 8 декабря 1996 г.

IV

POÉSIE À LA CARTE

ИНКЕРМАН

Кто не бывал в подвалах Инкермана,
Тот не достоин звания гурмана:
«Бастардо», «Каберне», «Алиготе»
(В особенности «Балка золотая»!)
Классический букет приобретают
В прохладных гротах, в каменной плите.

Когда-то в сих местах водились тавры —
Не им достались виноделов лавры.
Дионис, верно, недоумевал:
«Почто земля благословенна — в туне?»
И вот, подобно ветреной Фортуне,
Триеры прикатил эвксинский вал.

Приятно после плаванья большого
Вкушать покой в Омеге камышовой,
Прикидывая, как засеять клер,
Устроить виноградник — и при этом
Предчувствовать присутствие поэта
Сквозь несколько — пока грядущих — эр.

Вот он в раскопе. Вечер в полнакала,
В деснице загорелой полбокала,
Лопата в шуйце, — он почти красив.
Неторопливо снадобье глотая, —
Конечно, «Рислинг»! «Балка золотая»!
И, хлебом с черемшою закусив,

Почувствовав вакхическую качку,
Корзинки с черепками грузит в тачку
И, вновь хлебнув божественный нектар,
Меж белых стен, по греческому раю,
Неторопливо движется к сараю,
Где до утра хранится инвентарь.

Нелепо оставаться в трезвом виде
Там, где моря дают бычков и мидий,
Где гениев встречаешь в темноте,
И как поймешь, что шепчут волн раскаты
Без здешнего «Кокура» и «Муската»,
Без «Ай-Сереза» и «Алиготе»!

Беспечный и простой, как древний элин,
Спи, убаюкан бурей и хмелем,
Сквозь киммерийских сумерек дурман,
Припоминая феогнидов мелос, —
Покуда вновь приветливая Эос
Не озарит заветный Инкерман.

17–22 апреля 2009 г.

ВТОРОЕ ПРОЩАНИЕ С ЗИМОЙ

Кончается зима, которую
Зимой назвать благопристойно:
Морозы частыми повторами
Напомнили о днях застойных.

Звезда, горящая над яслями,
Камзолы с длинными плащами —
От пол-среды недели масляной
Благодарю вас на прощанье!

Отмечу — сам себе, конечно же:
Декабрь — мороз, январь — все то же,
Светил малиновые венчики
Обтянуты гусиной кожей,

Февраль — сугробы, солнце — на лето...
И — рядом, с краешку, петитом:
Так за нее! — поскольку налито —
Закусывая с аппетитом,

Которым ей же и обязаны —
Снегам и солнечным метелям...
И даже я, страдавший язвою,
Покоен в изнуренном теле,

Привыкший вечерами длинными
Вкушать с изяществом ван Дейка
Паштеты с розовыми винами
И вина красные — с индейкой.

Когда метель скребется в форточку,
Как будто бы не будет марта,
Люблю смотреть, присев на корточки,
Географическую карту, —

Какое вечное движение
В спокойствии — таком же вечном!..
Весна — я слышу приближение —
Но ледяной дворец увенчан.

21 февраля 1996 г.

* * *

«Кюба», «Контан», «Медведь», «Данон»...
Н. Агнивцев

«Детинец», «Волхов», «Барин», «Береста»...
Сии неподражаемы места,
Тем более — в присутствии моем!
Фуршет, сопровождающий прием,
Не лучше ль в Новеграде провести?..
Мелькнет Любань — обычное «прости!»
И Померанье, Трубников ли бор
Вновь осенит мой головной убор, —
Я к вам вернусь! А сей прощальный взмах —
До завтра!

...Вечер. Варварский размах.
Ни счесть столов, бутылок, рюмок, блюд...
Мой аппетит! Пускай он очень лют,
Но — к полному экскурсиями дню —
Документально привожу меню:

Доставил нам официант-мулат
Бифштексы, семгу, мидии, салат,
Сыры, коньяк, и по три пирога
На каждого! — Так вкусно, что врага
Не пожелав всем этим накормить,
Пережуешь мистическую нить
А ля Крылов — и мраморный пенал
Увековечит горестный финал.

Но я, с бутылкой и набитым ртом,
Танцуя танго, вовсе не о том
Раздумывал под пение певца
И не скрывал печального лица,
Усталый, потный, одинокий, и...
Она идет! Лови ее, лови,
Пока играют рюмками в хоккей...

Сигарный дым. Изысканный лакей.
Я пьян, но образован, и в венце
Зимы, на индевеющем крыльце,
Пошатываясь, горд, но не спесив,
Пою — и устремляюсь на такси
По переезду «Барин» — «Береста»...

Встает заря. На контуры куста
Ложится снег... Всего лишь утро! Свит
Очередной сюжет, — и в сонме свит
Уже на Север, после кутежа
Мы полетим, от радости визжа,
Не в полной мере осмотрев места,
Где есть «Детинец», «Барин», «Береста».

14 апреля 2000 г.

БЛИННАЯ, ЭПИКУРЕЙСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В ТРЕХ ГЛАВАХ

1

Видно, чтение наше вот-вот состоится, —
Площадями толпа не поэтому ли?
Замелькали возки по сугробам столицы —
Тридцать тысяч поклонников! Их привели

Ожиданья увидеть, понять, приобщиться,
Позабыв треволненья, интриги и сплин, —
Егеря, дипкурьеры, князья, продавщицы
В переполненный зал не поместятся, блин!

Лишь промолвил — представил, откусать алкая
(Сразу после концерта — а кто запретит?)
В Блинной № 1, где начинка такая!..
Да еще у поэта — такой аппетит!

Непрменно, как только прочту, увенчавшись
Восхитительным лавром, направлюсь туда,
Где свечам в унисон аромат, раскачавшись,
Окружает любимые мною блюда,

Где за гамбургским пивом вздремнешь, напевая
Под начинку из тешки эгейских сардин,
И аккомпанементы шестого трамвая
В блинной номер один! В блинной номер один!

2

Я читал без помощи листов, а
Снегопадно-тропковая путь
От библиотеки Льва Толстого
Приглашала нас продолжить путь, —

Дорогой в блинную,
Дабы в застолы
Заздравны кубки муза вознесла,
Конечно с Ниною,
И с Анатолием,
И с самым вос-
Хитительным из Слав!!!

Кажется, интимное открою, —
Но, когда гексаметры длинны,
Очень кстати с черною икрою
Сразу представляются блины.
А когда сентиментален дактиль,
И в стихе присутствует игра,
Под шаблы — естественно, в антракте —
Возникает красная икра.

Когда невинную
Поэзу комкая
Летят снега от крыл небесных чад,
Дорогой в Блинную,
Над самой кромкою
Кабриолеты гениев умчат!
Пусть с гривой львиною
Циклоны бесятся,
Но не проходит радостный угар, —
Пленяюсь Ниною,
Окололесицей
И описаньем берега Мегар!!!

Может, заинтриговались боги,
Эту вакханалию продлив,
Так как их серебряные ноги
Промелькнули в зарослях олив,
И, не тронув алую строку роз
(Ей ли вдохновенья не отдашь?),
Даже милый, архаичный курор,
Облизнувшись, бросился туда ж:

Под звоны лирные,
Где даже среднему
Поэту рады — а тем паче нам,
Дорогой в блинную,
К проспекту Среднему,
К его достойным гения блинам!
И ночь январская,
Пуржисто-длинная,
Пушай звенит на вечны времена,
Кружа над блинною,
Поскольку блинная
Гостеприимно принимала нас!
За поле минное,
Сквозь грядки тминные,
По черепкам пелопонесских глин, —
Скорее в блинную,
Спешите в блинную,
Очередной предвосхищая блин!!!

3

Мне кажется, в меня Вы влюблены?
Мне кажется, и я увлекся Вами...
Ну что ж! — Извольте заказать блины
И накормить нас этими блинами!

А раз январь без видимых причин
Не столь холодный, как предполагали,
Нальем вина, а в качестве начин —
Улитки из садов обеих Галлий.

На берегу, где каменный Нарбонн
Возносится над морем полусонным,
Где пил Бурбон задумчивый Страбон,
Описывая стены Каркассона,

Мистическим огнем опалены
Проходят галлы, готы, сарацины, —
Но им не приходилось есть блины!
Когда б не так, то дантовы терцины

Не преминули б поместить в краю,
Куда не мог попасть великий Публий:
Пургу, проспект и блинную мою,
И отраженный рюмкой коньяку блин.

В католицизм впадающий порой,
Пока несут — с селедочкой и семгой! —
Не вынес ожидания герой,
И тянется за шелковой тесемкой.

Но нет! Не умертвись! Не омрачи!
Заказ уже готов к употреблению!
И вот невроз в заснеженной ночи
Сменяется спокойствием и ленью,

И самые ветра утомлены,
Едва поют под сонную гитару:
«Я вас люблю! Мы будем есть блины,
Подобные небесному нектару!»

15–30 января 2003 г., С.-Пб. — Гатчина — Петергоф — Царское

Улица святого Рока

Михаилу

Неужто в декабре все это повторится:
Покинув Петербург в предутренний туман,
Я снова поселюсь недалеко от Рица,
На улице Сен-Рок, в отеле Сен-Роман.

Могу ль надеяться? Ужели не обман,
И снова колесо над Сеной загорится,
Когда вернусь домой, поужинав у Рица,
Где закажу тюрбо, как истинный гурман...

Янтарный кальвадос! Зеленый майонез!
Лишь вспомню — и душа танцует полонез,
Ваш дивный аромат не может испариться!
Но, перевоплотясь в мистический дурман,
Он вновь примчит меня к отелю Сен-Роман
На улице Сен-Рок, недалеко от Рица.

июль — август — сентябрь 2004 г.

ЧАЙНЫЕ ЛИМЕРИКИ

1

Зайцефил ярославский Мазай
Лучшим чаем считал «Алкозай»,
И, от гнева лохмат,
Бил жену за «Ахмад»,
А соседи кричали «Банзай!»

2

Летний полдень. Глубокий застой.
Чай, естественно, «Тридцать шестой»,
Медуница и вьюн,
Я беспечен и юн, —
И не крикнешь мгновенью «постой!»

3

В синей пачке с багряной горой —
Чай грузинский, по сорту второй;
Тридцать восемь копеек!
Собери на тропе их,
И под статуей Гейне зарой.

лето 2005 г.

БОРДО

Лафит... Лафит, ужасно дорогой,
Банкирский дом, именье у Гаронны,
Ну да, владельцы — славные бароны,
А не какой-нибудь случайный гой;

Не попирались варварской ногой
Сент-Эмильона розовые склоны
(В декоре дионисовой короны
Оттуда гроздь, а не какой другой

Провинции), — сотерны и медок,
Июльский зной, бискайский холодок
И погребок, где в ароматны тени
Нырять муза, несколько пьяна,
Чтоб услышать в журчании вина,
Что говорит Авзоний про Монтеня.

11–12 декабря 2005 г.

ЗИМОВЬЕ

Желтых листьев полет
Был прекрасен! Но время иное
В декабре настает.
Как нам выжить грядущей зимою?
Налетев, облака
Вместо влаги обрушатся снегом,
И замерзнет река...
Как нам быть? Отвечай, alter ego!

— Мы под песню декабрьской метели
Смешаем в коктейле,
Чтобы сердце тоска не кусала —
Немного марсалы,
Чтоб почтить покровителей верных —
Желателен вермут,
Чтоб снега показались во благо —
Полезна малага.

— Да, но стужи январские, душам живым угрожая,
Соберутся с сугробов толпой (говорят, к урожаю).
Город призрачен, только вой тощих волков на заставе, —
И январскому холоду что мы противопоставим?

— Чтоб не сгинуть в морозной пучине —
Откроем «Пиччини»,
Чтобы душу мороз не царапал —
Приемлема граппа,
Чтобы в сумерках не было грустно —
Закажем ламбруски,
А потом, за здоровье поэта, —
Немного кларета.

— Если даже за Сретеньем
Пояс морозов разомкнут,
На февральском рассвете

Нас дикие встретят поземки,
Что же делать,
Чтоб буер Харона к крыльцу не причалил,
Чтоб до первых проталин
Саамские лыжи домчали?

— В винный погреб отправившись,
Сделаем радость возможной:
Мы на «Дом Периньона»
Изгнание сплина возложим, —
И уже в вышине
Вешний свет, и искрится морена,
Отразась в шардоне,
Преломляясь в бокалах айрена.

Винный погреб распахнут
Навстречу сверкающим эрам,
И грядущее пахнет
Синсо и гевюрцтраминером!

29 ноября — 2 декабря 2006 г., С.-Пб. — Ст. Ладога

Серебристого хека струя по прилавку текла
Так тягуче и долго, что молвить кассирша успела:
«Здесь, в печальной ставриде, которую я принесла,
Попадается мойвы мороженной дряблкое тело».

Всюду — мерзкие хари, как будто на свете одни
Продавцы и продукты, и мяса холодного стружки.
Словно головы рыбы, безмолвные падают дни,
Оставляя на память свои серебристые тушки.

Я сказал: «Магазин — как старинная драка течет,
Где лохматые женщины бьются в косматом порядке!»
Серебристая тушка положена в сетку — и вот
Золотистый бульон заплескался в эмалевой латке...

Золотистый бульон! Где же ты, золотистый бульон?
До рассвета еще эту очередь заняли мойры.
И, обруганный грязно, обсчитанный гнусным жульем,
Тимофей воротился с авоськой мороженой мойвы...

27 декабря 1989 г.

О старая литература,
Бордо и черепаший суп!
Но суб-поэты! Субкультура!
И, главное, продукты суб!
Ужели в Греции и в Риме
Вкушали суррогат сурими
Или вино из порошка?
Увы — о времена, о дряни!
Почетно пасть на поле брани —
Но быть отравленным? Тяжка

О современник, наша участь!
Уже ушли в миры ины,
Где можно есть и пить, не мучась,
Перепела и каплуны;
Среди разрушенных имений,
С мешком нескучанных пельменей,
С поганой водкой и вином,
Куда несешься, тройка-птица?
Армагеддона репетиций
Довольно было в дне ином!

Восстань, воспрянь из вечной лени!
Грехи — да будут прощены!
Уже довольно отравлений —
И творческих, и пищевых:
Засунув гнусные каналы
Их телегомикам в анналы,
Скормив ведущим маргарин,
Мы вечевым, свободным строем
С деликатесами построим
Вполне приличный Третий Рим!

Начнем с вина: от Лабы к Куме
Земля и климат very cool!

Уже ль не надо вин Госдуме
Получше, что лакал Лукулл?
Здесь можно сделать терруары
Не хуже тех, что у Луары,
А местный тучный чернозем,
Взрастив бифштексы и фуагры,
Затмит сокровищницу Агры —
Вот только немцев привезем!

Свобода — вот и все, что надо, —
И ввергнут степь в моря ботвы
Овощеводы из Канады,
ЮАР, Голландии, Литвы;
Французы тоже пригодятся:
Плоды эдемски народятся,
Сыры взойдут из тучных трав,
И к радости общенародной
Их плесень будет благородной,
Ничьих не ущемляя прав!

Как те совдеповские бяки,
Что, прославляя «Манифест»,
Сожрали наши кулебяки,
А нам оставили фуд-фэст, —
Так и прохвосты-ренегаты,
Что поставляют суррогаты,
Должны признать свои грешки, —
Зане слабы страны опоры,
Когда у подданных запоры
И газом полные кишки.

Теперь ходи с зажатым носом,
Пока страна выводит шлак,
Зане вполне сравним с поносом
Любимый публикой «Аншлаг»,
И вовсе непосильно бремя
Поклонников программы «Время»,
Где с каждым днем все больше лжи, —
Ужели истина угасла?

Ужели вновь под видом масла
Стране предложат комби-жир?

Господь, избавь от явств вонючих, —
Ведь век людской ничтожно мал!
Партийных символов линючих,
Где каждый цвет как прежде ал,
Ведь сколько не произноси я:
«Прощай, Единая Россия,
И Спаведливая — пока!»
Противные не сгинут сами:
Тут нужен царь или Сусанин,
Иль вождь, что некогда дракар

Направил мимо Голодая
И в Ладогe устроил стол, —
Мы б жили век не голодая,
У каждого б ломился стол
От натуральных экзерсисов,
Которых аппетитен список,
Которого не привожу,
Но, чувствуя съедобный запах,
Опять с тоской гляжу на Запад
И приближаюсь к рубежу.

В де Голле? Иматре? Ружице?
А насовсем? — Возможно, да —
Приятно было бы прижиться
В краю, где вкусная еда,
Где нет ни лжи, ни сквернословья,
Ни подлой власти славословья
С подхалимажем невопад,
Где можно съесть безвредный тортик,
Когда в окне — античный портик
Иль скандинавский водопад.

Пора! Покой полезен сердцу,
Желудку — вкусная еда,
А то опять замкнется дверца,

И мы увязнем навсегда —
 Бесправны, словно египтяне,
 Вновь будем дрянь хлебать лаптями,
 Неся тяжелые труды,
 Забыв про вольности мгновенья,
 Без волшебства, без вдохновенья,
 Без сил, без жизни, без еды!

25–27 февраля 2010 г., С.-Пб. — Царское — Рождествено

ПЕЛЬМЕНИ (ПОЭМА)

На юге государства Химьяритов,
 Где некогда аксумские войска
 Распоряжались, где среди кораллов
 Акулы и мурены обитают,
 И бедуины Сокотры у берега
 Сабейских скал читают Фукидида
 (Кто этот тезис опровергнет?), — там
 Наверняка (и в годы Соломона,
 И позже, при Козьме Индикоплове)
 И ныне пребывает неизвестным
 Один весьма питательный продукт,
 Известный под названием «пельмени».

Живущие в стране Гипербореев,
 Где снег не сходит до середины марта,
 Где в феврале пурга, и льды озер
 Не проломить и тысяче форелей,
 Где сквозняки с песчинками и хвоей
 Листают рукописи Тимофея
 (Гудит огонь, поленья прогорели,
 Еще немного — и закрою вьюшку),
 От берегов Наровы до Камчатских
 Горячих гор — везде едят «пельмени»,
 С зырянского «пыл-нянь» — персидский корень!
 В Сибири — разнородные начинки,
 У нас же... Но исследовать не стоит, —
 Чего туда могли бы не добавить?
 Ведь все равно, когда в морозный вечер
 Выходишь из заснеженного парка
 К готической постройке «Красной кухне»,
 Дверь распахнув, вкушаешь аромат
 «Сибирских», «Русских» — с маслом, с майонезом,
 Сметаной, даже уксусом! Мгновенье —
 И дверь закрыта. Снова вьюга, снова
 Мечта — хоть что-нибудь достать на ужин,
 Зане не хватит сил пройти к вокзалу,

Порыться в куче, раздобыть объедки...

Поэт вздохнул, припомнив, как на днях,
Найдя кусок протухшей сардинеллы,
Был вынужден отстаивать его
В единоборстве с наглым, похотливым,
Бессовестным котом. Сырую кость
Уж он догрыз, и, весело привизгнув,
Рванулся к сардинелле. Литератор
Успел ее подбросить, на лету
Ловя губами, — но увы!.. Грабитель
Так страшно зашипел, что тот отпрянул
И упустил. Как замерзали слезы
На новых строчках переводов Стампы! —
Венеция, загадочный орнамент,
Как у Аллори или у Понтормо...
Ужель не суждено перевести!?
Ужель в псевдогоготической пельменной
Его, по предъявлению сочинений —
Поэм, сонетов, лэ, баллад, рондалл —
Не угостят хотя б стаканом чая,
Ужели не предложат пирожок,
Тарелочку пельменей с майонезом?!..
Не может быть!

...Ступеньки, двери, зал...
Тепло и ароматно! — Что угодно?
— Да я, прошу прощения, поэт...
Хотите — по сонету за пельменю?
Хотите — по два? По три? По венку?
Хотя бы этот будтерброд... Позвольте!
Зачем так грубо? Можно не толкаться!
Пустите руку! Почему вы бьете!
Куда? За что?! Отстаньте! Сам уйду!
Да как ты смеешь! Я... — И в клубах пара
Вдруг, кубарем, — в кусты! в сугробы! к урне!..
И только запах, тихо растворяясь,
Еще парил над озером и парком,
И млечный путь, поднявшись из ковша,

Напоминал о тех краях, в которых
Стрелец и Орион, а с ними Дева
С подносом — по мотивам Лиотара,
Печенье, джем, кофейник, майонез,
Судок, в котором лучшие из лучших,
Что сварены в амброзии с нектаром,
С начинкою от Гелиоса фермы,
С Ареса лавром, в самом лучшем тесте...
И вдруг они посыпались! Ужели
Он, изгнанный с позором из пельменной,
Вдруг станет сотрапезником бессмертных?
Не верится... Но ведь они — летят!
Подобны снежным хлопьям, в лунном масле...
И вдалеке, в сугробы превращаясь,
Растут под взорами кариатид.

Но верно ли? Опять открылись двери
Пельменной! Да, и снова мерзкий повар
С ведром отвара (пар, сиянье, запах!)!
Растоплен снег! Ура! И как же мы
Не догадались, что в воде пельменной,
Возможно, будут и остатки теста,
Калории с волшебным ароматом...
Скорее к ним!... Вот так, через сугроб
Переползти... Теперь — на четвереньки...
(Как ноют отмороженные щеки!
Не надо этих олимпийских трапез!)
Так... Кажется, здесь пахнет... Вот! Нашел!
Огромный пласт пельменевого теста!
Не до конца остывший! С ароматом!
Поэт привстал, пытаясь дотянуться...
Еще попытка... Ну же... Наконец!
И вдруг — тень черных крыл, ужель Танатос?
— О нет! Всего лишь алчная ворона
Давно уже, пельмени предвкушая,
Следившая, откуда-то слетев,
Схватила тот же кус с другого края.
Она сильна, она грозит крылами,
Влечет поэта по снегу, к ограде,

Чуть от земли... Увы! Разжались пальцы!
Чудовище победу торжествует,
На ель традиционно взгромоздись.

Естественный отбор весьма жесток.
Снег бел и мягок, утро поэтично,
Тем более — в аллеях, у дворца,
Когда поземки ночи прекратились
И холмиками у подножий статуй
Слегка обезобразили рельеф.
Приятен парк, весьма приятна дама
С пушистою общительной собачкой,
Что, методично помечая липы,
Вдруг замерла, и, жалобно завыв,
Обнюхала какой-то странный холмик,
И, лапу приподняв, янтарной струйкой
Немного растопила снег. За ней
Сбежались и другие, увлекая
Своих собачниц (их изрядно в парке
Бывает утром); пятая струя
Чуть приоткрыла древнеримский профиль,
Вот лоб, вот щеки, вот и по губам
Струится согревающая влага...
Видна улыбка, тень застывших рифм
Сквозь вой собак и возгасы собачниц;
Над ними, в ветках — сытая ворона,
В пельменной рядом — свежий майонез
Для новых порций... Что же — здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не он
Употребит тебя перед закатом,
По памяти читая Леопарди,
Не пояснит зырянское «пыл-нянь»,
Не вознесет моленья к эвменидам,
При этом прославляя майонез!...

Так думал я за рюмкой кальвадоса,
Покуда Феб скрывался за Дефансом
И, принося желанную прохладу,
Лютецию окутывала ночь.

ок. 15–22 декабря 2004 г., Петергоф

V

СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ ПОЭТЕ

СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ ПОЭТЕ

Et in Arcadia ego

По путям, обозначенным лирою,
Кто проходит дорогой земной —
За тобой, как когда-то за Миррою,
И за ним, как когда-то за мной?

Под улыбками благоговейными
Не имен, ни судеб, ни границ,
Но торгуют машинками швейными —
Слышишь пенье сквозь шелест страниц?

Под прядильщиц безумными взорами
Начинаю метаться в бреду, —
Почему в этот замок сюзоровый
Безобразные вирши идут?

По гранитну каналу причаливай
На ладье с одиноком гребцом, —
Три прядильщицы так опечалены
Под увенчанным сферой певцом!

Будут милые люди любезные
Примечать, отмечать, замечать,
Где пейзаж, где прогулка над бездною,
Где великого слова печать, —

Чтобы музы восторженно ахали!
Но, кривясь от ужимок и лжи,
Иппокрены незваные хахали
Размножают свои тиражи.

Для того ль корабельная роща
В целлюлозный идет комбинат,

Чтобы пост-графомановский росчерк
Туалетил бумагу? Юннат
(Персонаж, к Ахеронту идущий)
Обнаружит в пуссеновых кущах
Некий камень, источника над.

Благодать, перевозданная нега,
Травостой, первоцвет иже с ним...
Пионеру не ведомо его:
На плите и цветущий жасмин,
И болота душистые — как мы
Связь растений с сияющей Акмэ
В дидактическом сне поясним?

*От полярных морей и до южных,
От восточных до западных вед,
Мы в Аркадии, где за ненужность
Погребен неизвестный поэт,
Потреблявший какао из кринок,
Посетивший Макао и Гринока,
Тойлу, Ольвию, Рейна луга, —
И богини свистели и хлопали
От Лаконики до Мегалополя,
Где — как принято верить — угас.*

Золотая листва не преклонится,
И поклонница не защитит,
Лишь осенняя рыжая конница
По размокшим полянам летит.

Сонмы тех, кто над песнями властвовал,
Тех, кого избегала печать...
Между тем, как Аркадские пасторы
Продолжают рельеф изучать,

Наполняются соком фужеры,
И в сверкающих брызгах летит:
— Я из Кембриджа! — Я из Танжера!
— Я из Гента, но сбился с пути, —

И в цилиндре и фраке потертом,
С кубком и абрикосовым тортом,
Напевая парнасский мотив,
Я парю над Аркадскими безднами
С неизвестными, Небу любезными —
И бессмертнее нас не найти!

октябрь 2001 г.

Эсхин и Теон

«Эсхин возвращался к пенатам своим...»
В. А. Жуковский, «Теон и Эсхин»

За полем — пригорок, опушка и лес.
Дорога уходит все дальше.
Но в самом конце, у прозрачной реки,
Впадающей в светлое море, —
Разрушенный город, знакомая пыль,
И лес кипарисовый вырос,
Где некогда рощу Теон посадил
Вокруг одинокой гробницы.

Эсхин воротился. Немного спустя
Открылись прохладные двери —
Кто первый в жилище земное вошел
И там дожидался другого?
А кто с навощенной табличкой бродил
По берегу светлого моря,
И видел вокруг, и об этом писал
Достаточно долго. Позднее,

Когда племена обошли Пелион
И тихо приблизились к дому,
Увидели — уголь жаровни погас,
Циновки покрыты пылью,
Лишь мраморный курос сжимает в руке
Стило и табличку и пишет
Заглавную букву — и пахнет смола
Растений, разросшихся буйно.

В смолистом лесу, в кипарисной тени
Открой сочинение Пселла —
Увидишь, кто чистой Алфея струей
Наполнил железные чаши,

Кто в двери стучался и камень топтал,
Рубил кипарисы, — но снова
Бродить отправлялся Эсхин, а Теон
Сидел у горящего моря.

Я шел сквозь зеленую спину хребта,
Над морем и городом белым.
К востоку — впадал тихоструйный Алфей,
На западе — желтые горы
Дрожали сквозь зной, и подножия их
Знакомую хижину скрыли.
Но я повернул и направился к ней,
На розовый мрамор порога.

По плитам прохладным мерцала роса,
Теон и Эсхин возвращались
Под свод кипарисов. Но новая тень
Дорогу мою заступила:
— Не надо тревожить! Смолистая ночь
Украсит любую беседу!
Пойдемте к волнам, дорогой Тимофей!
— Извольте, Василий Андреич!

Мы вышли на пристань — душистая мгла,
Движение мифов небесных.
Пока мы друг другу читали стихи,
Они загорелись чуть ярче.
Покуда светлела соленая гладь,
И белые камни остыли,
Я слово промолвил сквозь утренний бриз,
И Солнце взошло, отвечая.

Хвала жизнедатцу Зевесу! Хвала
Творению сущему! Впрочем,
Не то ли написано в каждой строке
Свободной дидактики века?
Не то ль сочинитель имеет в виду,
Когда возвращается в город

Вдоль берега моря, соленой волной,
Целующей гладкую гальку?

Ворота открыты. Гробница вдали
В тени тополей и смоковниц;
Во двор монастырский с тяжелой киркой
Проходит по мраморным плитам
(Тем самым, которыми шел Геродот)
Писатель, устав на раскопе,
У тихой реки, над которой сидит
Теон, ожидая Эсхина.

14–17 мая 1997 г.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАНС

«Нет, лучше книга, мой Жамен...»
П. де Ронсар

Тоска по Евграфу Петровичу
С лирическим складом ума —
Уехал, уехал на троечке
В мистический синий туман!

Мист-Чичиков! Смесь ипохондрика
С читателем «северных пчел»...
Пока провожали покойника,
Я странную фразу прочел:

«Жамен, лучше книги, чем золото.
Природа их — тайна. Вглядишь:
То точка, то тучка эзопова
Скрывает серебряный диск

Над полем, наполненным замками...»
P. R. — короля псевдоним.
По снегу начертано санками:
«Мы посланы только за ним».

Отринь мимолетную замковость,
Где самковость, гибель и пот.
Вернись в изначальную замкнутость —
Лампадка, иконка, киот.

Идиллия! Вера Максимовна!
Пускай нарисует Брюллов!..
Печальная уточка зимняя
Латает больное крыло.

Снежком запорошены улочки
Опять, в том же самом году!

А черти забросили удочки
Для изголодавшихся душ.

Нанизаны листья осенние
На их смоляные крючки...
Но кстати, о пчелке, о северной...
— Ах да, извините! Апчхи!

Так вот — пораженный заметочкой,
Сонеточкой, драмочкой, проч.,
Он был титулярным советничком,
Without известная дочь

Всю ночь... А под утро приехали,
И санки помчались... Куда?
В метро, рассекаемом вехами,
Дорогу найдешь без труда, —

Храним седовласыми ларами
И тихопечальным трудом,
За вечнозелеными лаврами
Мелькнет зарешеченный дом.

И вдаль от ронсаровской линии,
По полуканальной воде —
То тростью, то римскою пинией,
То автопортретом Тропинина...
Ямщик, прогони лошадей!

2 декабря 1992 г.

* * *

На Васильевском — море,
На кладбище — смерть
И завод Котлякова — какого
Мне его вспоминать?
Память разведена
Картотекой, Гюставом Моро.
Но глубокая ночь,
Бесконечная ночь
Вспоминает завод Котлякова,
Лишь выходят сверчки
И большие смычки
Достают из ружейных стволов.

Был в Аркадии, был, —
Там венка не добыл
На кленовом распатанном кресле
Сто ночей напролет,
Желтых листьев полет,
А потом наступает весна.
Вновь осей поворот,
Крылья ржавых ворот
Повторяют старинную песню —
«Кто не пил на барже —
Мне противен уже,
Тот кто пил —
Мне противен весьма».

Ославяненный Вертер
Смоленских аллей
(Ненавистно российское иго!).
Асов град содрогается
В контурах туч,
Как пустынно, ни белки кругом!
Вырывается ветер
Из будки моей,
Где теперь поместился ханыга, —
Он способен ответить,

Возможно, икнуть
И подумать — о том, о другом...

Водка выпита.
Ранее выпит портвейн.
Что не выпито —
Мне не доступно.
Одиноким трамвайчик
Уходит наверх
В окружении черных персон.
От холодных ветвей
Погребальных аллей
Очищаю замерзшие ступни.
И часы золотые
На правом крыле
Погружаются стрелками в сон.

19 марта 1993 г.

ЭКСКУРСИЯ (4-я часть маленькой ночной поэмы)

Это воздвигнуто...
Это воздвигнуто...
Это воздвигнуто...
Это воздвигнуто...
Это и это, и то...
...Шаг замедляю — но воображение
Шар разгоняет до мыслекружения
У поворота в ЛитО.

...В Летнем саду, императором Гатчины
(это название от вотчины Хотчино)
в списках пятины давно обозначено,
но три столетия спустя опорощено, —
нету фонтанов! Погибли при матушке
Екатерине, задолго до Пушкина.
И непонятно, зачем же приматушки
в них заливают то слезки кукушкины,
то вдохновение — масонскими ложами!..
...Северный ветер! Мне страшно на северном
в Летнем саду, где по кочкам проложено
их освещающих звездочек семеро —
в топях, почти неизведанных... Вedomо —
стоптанный мрамор, небесны круги — или,
Санкт-Петербургские власти уведомив,
санкт-петербуржец читает Вергилия —
в трансе от шепота, шороха, запаха...
В карточном домике, в тучки табачные,
в ночь, уходящую в сторону Запада,
Юга,
лесами,
к окрестностям Гатчины...

12 ноября 1996 г.

ПУШКИНСКИ ГОРА

«Поэт! Ты должен быть бесстрастен!»
Сологуб

«Поедем в Царское село...»
Мандельштам

«А цыганский хор — сбежал!»
Пикуль и т. д.

Поедем в Пушкински гора,
Где старые профессора
Пируют с Гейченко под дубом
И в извращении сугубом
Кричат: «Царь-батюшка! Ура!»
Поедем в Пушкински гора!
Там Дягилев ласкает тело,
Которое слегка вспотело,
А роща вздохами полна
То Кузмина, то Юркуна.

А, может быть, под этим дубом
Нас ждет свиданье с Сологубом,
И от него получим в дар
Потертый томик «Навьи чар»?
Но я судить его не властен:
«Поэт! Ты должен быть бесстрастен!»
Его бесстрастности — хвала!
Поедем в Пушкински гора!

Сбежав от Вырубовских плутен,
Живет в избушке там Распутин,
А под ближайшею горой
Гуляет Николай II.
Полна деревня мужиками
И пьяными большевиками,

Которые вопят при этом:
«Ура! Ура! Вся власть — советам!»
Недавно на степной простор
От них сбежал цыганских хор,
Где был солистом Ростропович.
Его уволил Симанович, —
Дал в зубы — м-мать! — и все дела.
Поедем в Пушкински гора!

В Тригорском носятся пролетки,
И кони ржут, и свищут плетки,
И ямщики, как в прежни дни
Поют «Господь! Царя храни!»
Там грезит сумрачный Пиньковский,
Там элегантный Животовский
(Ваш скромный гений) целый год,
Спасаясь от суда, живет.
И, погружен душою в горе,
По Петербургу плачет Морев,
Не ведая, что на трубе
Пост расположен КГБ.
С действительностью он не ладит,
И скоро уж его посадят,
Пока же не пришла пора —
Поедем в Пушкински гора!

18 января 1984 г.

* * *

Когда часы лежат на табурете,
Когда кровать плывет — я знал, куда —
Сквозь образы (один из них в берете,
Другой — темнит осенняя вода),

В ночную зыбь элегий... Скрипки, воя,
Сопроводят за острова, за ост...
Они придут, когда их будет двое...
Уже зима показывает хвост,

Из подворотен — пух, полями — иней,
Я не забыл окраинного, где
Цветут сады, описаны другими,
И лепестки в темнеющей воде

Напоминают и сентябрь, и лето
(В безумных снах лишь вымысел — не ложь),
Мне и тому, чей плащ был фиолетов,
Как у меня, как покрывала лож,

Плывущих вниз, летящих буерами...
Задержав тучи за последним из,
Пойдем искать в трепещущем буране
Тех звезд, что вновь на небе поднялись.

8 ноября 1999 г.

* * *

Ирландские скалы зачем помянул
Пред самым закатом? Вдали
Святого Коломбо челнок уходил
За пеннорожденный бурун.
Похищенный юноша, пьяный пират,
А рядом — двенадцать имен
Тех путников, что
Бороздили тропу
От Гавра до новой страны.

Безумной горячке посланье прочел,
Смотри — за зеленым щитом
Спускается в море оранжевый диск, —
Не твой ли закат? Не моя ль
Дорога туда? Только в Гринок зайду,
Старинных друзей навестить,
Потом полечу, поплыву — устремясь
Вослед упомянутым здесь.

Был в Фуле король, он двенадцать вельмож
На берег отправил; вино
В серебряных кубках смешалось с водой.
Я в розовой пене нашел
Послание Марка, записку Картье,
Кабота романский акцент
И в Тойлу отправился — уговорить
Взойти на высокий корабль.

У Томаса Мура в гостях по пути,
Дорогой небесных коней,
Среди покидавших Европу племен
Замри — огнедышащий вал,
Пронзенный закатом, сбежав в океан,
Омоет ирландский гранит,
И Гринок, и Тойлу, и ивовый мыс,
Звонящий сухим камышом.

15–17 декабря 1999 г.

РОНДАЛЛА

Де Голль и Бродский, Черчилль и Шагал...
Их имена не скрыты за вещами!
И я, писатель, их не отвергал,
Но предлагал устроить совещанье,
Когда в Орсе тропинку пролагал...

Ведь Мережковский предостерегал! —
Но был ли толк в подобном завещаньи?
Он никого всерьез не напугал, —
Бомонд и плебс, крестьяне и мещане
Сложили всенародный мадригал —

Меот и эллин, римлянин и галл...
Великий век, большие обещанья!
Но время шло, и рок их настигал,
Брусок зари небесными клещами
К горнилам солнца вихрь передвигал,

Грядущий хам пил водку и рыгал,
А мы взметнули чаши на прощанье! —
Кто в Пантеон, кто в вечность прошагал,
Кто задремал на грядке с овощами,
Кто, привлечен копчеными лещами,
Смотрел туда, где Волхов убежал...

Кончался день, прибой шумел хвощами,
Де Голль и Бродский, Черчилль и Шагал,
Меот и эллин, римлянин и галл
Встречали сумрак звездными плащами,
И Гелиос, зардевшись на прощанье,
Пустил коней в вечерний Сенегал.

10–11 января 2000 г.

NEUE RUSSISCHE LËN

Славе Лёну

Путь из Линца недалек, —
Брошу в трубку уголек,
Полюбуюсь, как фиалка изогнула стебелек.
Как же будет удивлен
Посещеньем Слава Лён
(Где теперь его супруга?
Ах, в нее я был влюблен!)

Надо ж как-нибудь начать?
Вот везу стихи в печать,
В город Зальцбург, где достойно
Гонорары получать.
Сединою убелен,
Там живет профессор Лён, —
Посещеньем Тимофея
Как он будет умилен!

Вот так Альпы — груды гор!
Не какой-нибудь бутор,
По которому с берданкой
Ходит-бродит Кьеркегор,
Где сан-сетом опален,
Воскликая: «Здравствуй, Лён!»
Мчит поэт в купе курьерском,
Элегантен и хмелен.

Отпечатаны тома
Под мелодию Тома,
А над университетом —
Европейская зима.
Слышишь полных чарок звон?
Так воскликни: «Славься, Лён!»
Верю, что стезей Парнасской
К высшей славе nous allons!»

18–19 декабря 2000 г.

ЛАНДОХА

Мы спали в каютах,
Мы мчались в ландо,
Считая минуты
До пирса Ландох, —
Так что же за вздохи
С бокалом аи:
«Ландохи, Ландохи,
Ландохи мои!»

Туманная пристань,
Невзрачный лакей,
Пусть волны неистовы —
Но вдалеке
(Хотя перегар
И над морем весы),
Как в пепел сигары
Икринка росы.

На небо гляжу
И иду воевать,
Чтоб землю в Ландохе
Буржуям отдать.
Прекрасное имя!
Высокая честь!
Ландохская волость
В Карелии есть:

Там в красную тварь
Справедливый булат
Как встарь, погружает
Мечтатель-мулат
У серой подошвы
Приладожских скал...
«Графиня! Я в книгах
Ландоху искал,

Над морем продрогнув, —
Но муза вольна! —
Открыла петроглиф
Большая волна,
Шакал полудохлый
Провыл, укоря:
Ландоху, Ландоху
Целуют моря!»

На ладожских шхерах,
В Ландохе, — эгей!
Мы сделаем то,
Что не смог Маннергейм,
И красную мразь
Истребив до конца,
В Ландохе, в Ландохе
Очистим сердца,
И слава, и вздохи
Достанутся ей —
Ландохе, Ландохе,
Ландохе моей!

26 августа — 9 сентября 2001 г., С.-Пб. — Печоры

* * *

Для чего так третировать?
Просто непостижимо:
Разве осень не теплая?
Разве в садах не ясно?
Разве было когда-нибудь
Больше тяжелых яблок
На деревьях, украсивших
Садик оранжерейный?
У пока еще теплого моря
Искать ответа?
У листвы, заглушающей
Шорохом гул фонтанов?
Но досада забудется, —
И в Павильоне Неба
К нерадивым лакеям
Останемся благосклонны.

Как опавшие листья
Уносит ручьями в море,
Как маслята, состарившись,
Снова во мхи уходят,
И они пошумят, мельтеша, —
И опять останусь
В опустевшем дворце,
Под ветвями старинной липы,
И любезные гости,
Кто с «Птицами», кто с «Эоле»,
Постучатся, когда
За окошком проснувшись, вьюга
Раскачает на звоннице колокол,
И над садом
Поплывет его одинокий,
Печальный голос.

30 сентября 2005 г., Петергоф

ЗВЕЗДА И НЕВА

Было время — ночью мучил клоп его,
С потолка ползли пиявки скользкие,
Он их колотил «Звездой» Холопова, —
Но, конечно, не «Невой» Никольского;

Пряча самиздат, буфет захлопывал,
Рылся в грудах «Обозрения польского»,
Не было ведь там «Звезды» Холопова, —
Но зато была «Нева» Никольского!

И когда Россия вдруг потопала
По путям раскаяний и волю, — с кого
Началось? Не со «Звезды» Холопова,
Но, опять-таки, с «Невы» Никольского.

Что ж теперь вздохмаченная родина
Не очнулась от угара пьяного?
Почему «Звезда», уже при Гордине,
Много хуже, чем «Нева» Друянова?

Неужели мы опять прохлопали
Луч зари сквозь хлопья снега кольского,
И в «Звезде» — навечно дух Холопова,
А в «Неве» искрится мысль Никольского?

Долог путь, суровы испытания,
Пусть пока признаться не решаются, —
Обе далеки от процветания,
Обе тиражами уменьшаются,

И умрут, и двери запечатают,
И о них воскликнут поколения:
«Обе Тимофея не печатали, —
Обе не достойны сожаления!»

18 декабря 2005 г., Новгород

О двух Ваньках

* * *

Г. М.

Снегопадом замело окраины
Города, где самодержцы правили,
Где слышали все о Ваньке-Каине —
Но никто не знал о Ваньке-Авеле.

Не в лесах, где движется река, и не
В Павильоне роз, в лохматом щавеле,
Можно услышать о Ваньке-Каине,
Как нельзя о Ваньке-Авеле.

Что это за странные нелепости
В летописях наших — были? не были?
Журавли, парящие над крепостью,
Рыбакам рассказывают небыли:

Осетристу — шхерами гранитными,
Сиголову — зеленцами хвойными,
Ваши титулы летопись хранит, но мы
Выше всяких революций с войнами.

Кто б ответил, на холсте, бумаге ли,
Хоть резцом на монументе каменном, —
Почему, забыв о Ваньке-Авеле,
Тут же сочинили Ваньку-Каина?

Сквозняки гуляют подворотнями,
Над заливом сумерки пунцовые,
Как всегда в эпохи поворотные
Мы спасемся в погреба дворцовые, —

Чтоб звенели тосты сквозь развалины,
Чтобы звезды бриллианты плавили,
Не узнав, зачем о Ваньке-Каине
Вспомнили, забыв о Ваньке-Авеле.

16 января 2006 г., Гатчина — Стрельна

Стемнело, и минутность лет
Опять маячит над санями,
И снова наш прозрачный след
Засыпан звездами и снами.

Но фонари ночной поры
В рассветном сумраке нелепы,
И зори точат топоры
И нам сколачивают склепы;

Ты будешь, скорчившись в углу,
Дрессировать свои химеры,
А мне — тропу в сырую мглу
Укажут рифмы и размеры.

И, погружая в вечный сон,
Начертят на небесной длани:
«Склонись — здесь спит Наполеон,
Попавший под трамвай желаний».

8 сентября 1985 г.

РОМАНС ЭВОЛЮЦИОННЫЙ

Пара горилл, закусивших бананом,
Спелым, огромным и вкусным на вид!
Был ли ваш род дарвинистским обманом
К ветви адамовой дерзко привит?
Были когда-то и вы — наши предки, —
Каждый учебник о том говорил,
Где же теперь родословные ветки,
Пара горилл! Пара горилл!

Вечность? Едва ли эпоху (не миг ли?),
Видмимо, в ближних заметил изъян,
Или был качкой измучен на «Бигле»
Тот, что одухотворил обезьян;
Не остудил в океанской воде ты
Пыл вдохновенья, — а нынче-то как?
Где же теперь вашей веры адепты —
Пара макак! Пара макак!

Турок из Кельна, араб из Марселя,
Юный певец и седой дирижер —
Вместе давно ли на пальме висели?
Было изысканно, модно, свежо...
Что ж, позабыв дарвинизма начала,
Каждый пошел по особой стезе?
Вслед вам печальная песнь прозвучала
Двух шимпанзе, двух шимпанзе!

И не изживший в себе потрясений,
Автор задумчив над белым прудом, —
Не из лемурув ли вышел Есенин?
Не из гиббонов ли Маркс и Прудон?
Или, теории новой прологом,
Хитрая муза подводит людей
Зимней дорогой — к уютным берлогам
Двух медведей, двух медведей!

15 февраля 2006 г., Гатчина

ВЕЧЕРОМ

Проститутку в кожаном пальто
Размышленьем из толпы выхватывай:
В ней живет инфантилизм Барто
В сочетаньи с мудростью Ахматовой;

Снегом чуть припудренный парик
И браслет — упомяну ль в рассказе я?
Мелочь! Но не этак ли Перикл
Приобщался к прелестям Аспазии?

В память той, виднейшей из гетер,
Что была античною метечкою,
Выпьем патентованный сотерн,
Наслаждаясь жизнью быстротечною,

Сквозь пурги причудливые па
Отвернусь, не беспокоя окриком, —
И опять безлика толпа
Поползет в огнях за винным погребом.

21–22 февраля 2006 г.

МОЙ КАБИНЕТ

Мой кабинет... Из Неаполя мастер приехал;
Были пустынные леса, лишь пятнистые рыси
Прыгали с ветки на ветку, да в теплых берлогах,
Грезя во сне о енотах, енотки вздыхали;
Выйдя на речку, он понял: здесь раки зимуют,
Флейты припрятав на дне, ибо свиста не слышно...
«Что же! — Подумал он вслух, — подходящее место!
Строим!» Вот так появился чертеж кабинета.

Чтобы его обойти, надо: а) Вдохновиться;
б) Вдохновиться еще; г) Решиться; д) Ехать
К югу от града Святого Петра, за высоты;
е) Знать, что «пулково» значит «катальная горка»;
ж) Животовского чтить; з) Любить Куперена;
и) Не проехать, увидев дворец грандиозный;
й) Восхититься озерами, башнями, парком;
к) Прочитать, что поэтом написано дальше:

«Долго дворец возводили, его помещенья
Разным затеям сперва предназначены были:
Ныне еще кабинет Их Величества люди
В силу традиции скромно зовут гардеробом, —
Впрочем, сие неуместно в присутствии Мэтра.
Как он красив, наклонившийся на подоконник
К новой поэме в тетради с зеленой обложкой
(Черновики), иль с внушительной черной тетрадкой!»

Знают об этом стрижи, и еноты, и рыси,
Пумы, койоты, медузы, слоны, броненосцы, —
Слышали б вы, как восторженно воют шакалы,
Если он с башни читает им новую оду.
Вешние ветры не смеют играть с облаками,
Даже капель застывает на шпагах сосулк,

Только вулканы подводные глухо бормочут,
Все же подвластные звону божественной лиры.

P. S.
Кто ж сей Великий, о том Тимофей Животовский
Не сообщает, хотя догадаться не сложно.

19 марта 2006 г., Гатчина

СНЕГОПАД

М. Карчику

Над финляндской дорогой дымок
И сугробы на многие мили,
Кстати, автор продрог и промок, —
Где б сегодня его накормили?
И, нуждою весьма удручен,
Меж убогих чухонских домишек
Я подумал не помню о чем —
Но отправился к Карчику Мише.

Верно, будущий миф отразит
Как положено, в стиле высоком
Мой тогдашний вечерний визит
К Черной речке, заросшей осокой
(Ах, давно миновали года —
Вдохновенье, девицы и голод, —
Так порою бывает, когда
Ты еще легкомыслен и молод).

Вот явился. Весна. Снегопад.
Знаменосец — прозрачное древко!
Словно вихри колышет стопа
В белых крыльях над дремлющей Невкой,
Словно дивный сюжет заблистал
В переулках неясного полдня, —
И хозяин любезно предстал
Пред поэтом и кубок наполнил!

Этой щедрости есть ли цена?
Чтобы песни могли загораться,
Риму необходим Меценат,
А иначе загнется Гораций,
Так Мольеру полезен Фуке,

Так в отечестве, сбросившем лапти,
Михаил — на дуэльной реке,
И теперь — на освоенной Лахте.

Пусть тебе золотое руно,
И марсала, и бри, и горошек,
И сейчас, наливая вино,
Как в тот день, вдохновенно продрогший,
Приильменских болот на краю,
В одиночестве, скромно и просто,
Прославляя любезность твою,
Сквозь осеннюю бурю пою
Вдохновенье заздравного тоста!

1996–2006 г., С.-Пб. — Ораниенбаум

И ВПРАВДУ ХОЛОДА...

И вправду холода, — а надо ли
Их было в нынешнем году?
Не заморозишь разной падали,
Тем паче — выборы грядут.

Что за собрание? — Создателя
Не вопрошая, поспеши
Туда, где до сих пор не спятили
Эстонцы, финны, латыши.

Всего-то за речушкой Нарвою,
Каких-то полтора верст,
Где Петр изведаль доблесть Карлову,
И Длинный Герман в гору вмерз,

По склону — лесенки удобные,
Прощальный вздох, улыбка вниз —
И к городу Филиппа Доброго,
Где много выбравшихся из

К спокойствию, к свободе, к прибыли...
А чтобы не свернуть с пути, —
С единороссами предвыборный
Плакат с собою захвати,

И, вспомнив хари их суровые,
И их речей фальшивый лай,
Всем, кто остался за Нарвою
Долготерпенья пожелай.

23–24 февраля 2007 г., Царское — Ивангород

НА ВАСИЛЬЕВСКИЙ...

Не выбирать
Ни пирамиды, ни мавзолея —
Я умирать
На Васильевский выйду остров;
В тьме не найду
Твой фасад темно-синей краски —
Грохнусь в асфальт
Затылком под диадемой.

Выйдет душа
И пойдет в Залив над мостами,
И за рекой
Я в дыму разгляжу две жизни,
Щек щетиною
Плесень страны стирая, —
Словно из лет
Еще не подвластных Крону,
Сестры-гетеры
Манят юнца на ложе.

май 1990 г.

ТИМОФЕЇ JIVOTOVSKI

Пусть там, где нет нас, от тоски
Склоняет Солнце лик, —
Мы — Тимофей Животовски,
И жребий наш велик!

Летят эдемски лепестки
По нашему пути,
Мы — Тимофей Животовски, —
Чудесный лейтмотив!

О, знаю я — да, знают все,
А прежде — кто умен:
Мы есть в поэмах и эссе
Под множеством имен,

В балладах разных лет и рас,
С мудрейшими из жен,
Которых сонм на этот раз
В любимой отражен.

Да будет так! А разве не
Возможно — на века!
Суров Царящий в вышине,
Но длань Его легка,

Лишь канет прошлое в пески,
Лишь эра пролетит, —
Вновь — «Тимофей Животовски»,
Прекрасный лейтмотив!

Залезь, потомок, на Валдай,
На елку апропо,
Европу варвару отдай
От Волхова до По,

Но (зри!) — под хор «спасенье где ж?»,
Сквозь нивы и лески,
Сияя радугой надежд,
Грядет Животовски!

Он (мы) — днесь бысть — не лир ли глас,
Что мир и миг — смысл эх?!
Пока роса не улеглась,
Дослушай без помех,

И звездный сок в бокал возьми!
И лунный чеддер ешь!
Без всякой каверзной возни
Отверзлась в небе брешь!

Я был Сафо и был Годар,
Рахманинов и Дант, —
За что такой великий дар
Живущим ныне дан?

И славят Бахус и Орфей,
Небесны и близки,
Закат — да будет Тимофей!
Рассвет — Животовски!

29 октября 2007 г.

ДОРОЖНЫЕ МЫСЛИ

Уж январь — а поляны зелены!
Нет морозов — и это радует:
Солнце льет в облаков расселины,
Наполняя туманы радугой,
Слышишь в море, чьи льды растаяли,
Песню ила, со дна поднятого:
«Где же Гиппиус и Цветаева?
Бешенковская и Ахматова?»

Из корчмы выползая, вежливо
Погляжу на созвездья странные, —
Неужели они по-прежнему
Неизменно над всеми странами
Чертят небо? О чем цвета его,
Снегопадами небогатого?
Кстати, — Гиппиус где? Цветаева?
Бешенковская где? Ахматова?

Говорят, на границе Севера
Жили-были, писали некогда...
Оглянись по полям рассеянно,
Поищи по сугробам, — нету ли?
Неужели совсем растаяли
Хийси воины бородатые...
Где же Гиппиус? И Цветаева?
Бешенковская где? Ахматова?

При каком-то масонском ордене
Было время, звенело бурями!
Нынче мельче — Машевский с Гординым,
И противней — Шубинский с Пуриным;
Тимофей же молчит таинственно,
Не издав долгожданной книжицы, —
Кто же ныне глаголет истину?
И куда мирозданье движется?

И откуда рефрены странные,
И тем паче — погода летняя
Над любимыми водью странами,
Где обычно зима заметнее?
Бешенковская — только образ ли,
Или Гиппиус... Есть ли правило,
Что б Нептунова трона водоросль
Дед-морозов возок оправила,

И взлетали шторма лохматые,
И волной разбита плита его...
И какая уж тут Ахматова,
И какая уж тут Цветаева,
Если боги, сухими листьями
С облаков — на участки дачные!...
Вот о чем литератор истинный
Размышлял по пути из Гатчины.

10–16 января 2008 г.,
С.-Пб. — Стрельна — Петергоф — Гатчина

Дом колхозника

Цвет сирени летел горстями
В город в облаке утра позднего,
И пошел я тут в Дом крестьянина
(Или, может быть, Дом колхозника?).

Без гостиницы быть гостями
Трудно в граде, еще не познанном,
Но имеется Дом крестьянина —
Или, может быть, Дом колхозника?

В двух шагах от кремлевских башен,
Где князья и бояре с кознями,
Он снаружи совсем не страшен, —
Дом крестьянина, Дом колхозника.

Из бойницы в стене патерны
(О, ушедшего века знание!)
Ясно виден среди модерна
Дом колхозника, Дом крестьянина.

Поселись посреди посада!
Веселись дешевизной нашею!
Но под вечер взяла досада
От сортира с турецкой чашею,

И кровати, в которой много
Было запахов неопознанных...
Но, прошу, не судите строго
Дом крестьянина, Дом колхозника.

Он надежен, как серп и молот,
Отражая эпоху давнюю,
Только я в предзакатный холод
Снарядился в дорогу дальнюю

И в гостинице над Окою,
В завывания бури грозные,
Вспомнил с ужасом — и с тоскою! —
Дом крестьянина, Дом колхозника!

Верно, чем-то он и милее,
Верно, как-то его касаются
И мордовская Лорелея,
И умученная красавица,

И преданья босяцкой пьяни над
Отраженьями неба звездного,
И секира в руке крестьянина,
И молитва в устах колхозника!

12 августа 2008 г.

Ода № 3 (ПОЛЬСКАЯ)

«От радости поэтов вой, цех,
В рапсодах, одах или лэ!» —
Я ликовал, когда пал Войцех
И победил Валенца Лех,
Что от Поморья до Кракова
Крушил марксистские оковы,
И вот — свобода не близка ль?
Об этом мы узнаем вскоре:
Кто одолеет в вечном споре —
Свободный лях или москаль?

Еще в послевоенном мраке,
Где кровь восточный деспот пил,
Творя соцлагеря бараки
Под скрежет топоров и пил,
Ты рек решительное «нет!» им,
Правителям марионетным,
Восстав среди лесов и нив, —
Не подчинившись замполитам,
Народ остался посполитым,
Свои костелы сохранив!

Пусть был далек свободы берег,
Варшавский был договорок,
Но что Гомулка или Герек? —
Ты веру в Господа сберег
До той поры, когда я с Юной,
Очаровательной и юной,
Ее целуя невпопад
(Ах, эти милые ужимки!),
В составе краковской пилгжимки
Бродил в предгорьях Карпат.

Ах, эти страсти в чистом поле,
И сеновал, и утром — мша!

И стены древнего Ополя,
Где всюду — гордая душа:
В злотувках, в блеске древних сабель,
Как Ченстохова или Вавель,
И рыцарственен, и красив
Лях — славянин, но сын Европы,
И здесь отсутствуют холопы, —
Совсем не то, что на Руси!

Печать Священного завета,
Хранилище славянских волей!
Известное *liberum veto*
Звучало здесь не оттого ль?
Не мощь краснознаменной мрази
Властителей Европ и Азий,
Ни ужас войн и голодух,
Ни лесть московской челобитной,
Ни близость дичи первобытной
Не сокрушили польский дух!

Поляк — горяч, неосторожен,
Но Высшей Волею храним:
Своею азиатской рожей
Мы поворачивались к ним,
И два двуглавых вместе с прусским,
Хох-дойч смешав с великорусским,
Терзали польского орла,
Свергали Пястов с пьедестала, —
Но слава польская восстала,
А наша слава — умерла.

Совсем? А может — лишь на время,
И скоро будем, как они?
Уже Егорий в злато стремя
Ступил, ведя иные дни,
И вольный дух увековеча,
Опять увидим радость Веча
И бегство суздальских дружин,
И гимном северные арфы

Прославят честь Борецкой Марфы
И Милость Высшей Госпожи!

Через Валдай, гоня холопей
До ржавой челюсти Кремля,
На радость миру и Европе
Встань, словенская земля!
В своем необозримом лоне
Отмсти за бойню на Шелони
И за тиранов, чуждых нам,
Покончив с варварством и пьянством, —
Уже не мужичьем, но панством,
Подобно польским племенам!

И, новым связаны обетом,
Почтим свободы и права...
Как хорошо мечтать об этом
От Рождества до Покрова
И видеть снег и рощи наги,
И в бухтах дружественны флаги,
И Одер в дымке, а за ним,
Или за Нейсе, рядом с Фюрстом, —
Страну колбасок и курфюрстов,
Край, что свободой храним

От Португалии до Буга
Трехтысячекилометров!
Когда ж войдут в него и Луга,
И Ладога, и град Петров?
Освободясь от власти Эвра,
Когда мы, перейдя на евро,
А, может, сохранив рубли,
Но подчинясь словенским генам, —
Ужо, окажемся шенгеном?
Да будет так! Но будет ли?

Где припозднились, чуть помешкав,
Отстав от западных коллег?
Ведь начинали вместе с Мешком

Святой Владимир и Олег.
Сие узнать не в нашей власти!
И в Новый год на Старом мясте,
Услышав родственную речь,
Благословляй сей край любезный,
Что вкупе с Матерью Небесной
Господь сподобил уберечь.

От Одры до границ литовских
И до Полесских рубежей —
Цвети, недаром Животовский
О том старается уже:
Сквозь беломраморные стужи
Тот ясный день на Ясной гуже
Припомнит и вздохнет, и вот,
Завидуя ее свободам, —
Поздравит Польшу с Новым годом
В нежнейшей из возможных од!

ок. 15–30 декабря 2008 г.

СОНЕТ

Я опишу заснеженность сонетом,
Дабы опять была легка рука,
Не собираясь создавать венка,
Не бегая к Ронсару за советом.

Когда враги кричат «Вся власть советам!»,
А дворянин спокойно ждет пинка, —
Достойно в лучшем случае пинка
Отечество, замешанное в этом.

И грязь, и шум, и беспардонный гам...
Что делать! — так воротимся ж к стогам,
Зане — белы, в особенности в парке,
Хотя зима прошла, и ныне уж
Другой сезон резвится в пене луж,
И дует влагой сквозь дворы и арки.

1 марта 2009 г., Стрельна

ВЕЧЕРНЕЕ

1

Над Сен-Венсан-де-Поль
И Сен-Лоран —
Луна и звезды;
Ближние мансарды
Едва освещены, и не пытайся
В них подсмотреть,
Зато из-под бульвара
Гудит метро;
За Северным вокзалом
Куда-то вдаль несется скорый поезд,
А я уже девятый раз в Париже,
Но все не отыскал отель «Кере».

Да был ли он?
Хотя в стихах Сосноры
Ориентиры есть: от Инвалидов
К Распаю, к Сен-Жермену и правее —
На улицы квартала Бабилон.
Отели, приютившие поэта,
Позднее превращаются в музеи, —
И я найду «Кере» и прочитаю
В фойе стихотворенье наизусть.

Конечно, проще в гости напроситься,
Но он теперь в летах, — а здесь, в Париже,
За пару лет до моего рожденья,
Такой же элегантный, как и я;
Хотя, тогда он был меня моложе:
Бежать от Сакре-Кер до Инвалидов
До 35-ти еще возможно,
А после — напрямик на Пер-Лашез!

На Лафайете людно,
В переулках
Темно и пусто...
Монтолон! Я дома!
Скорее поднимусь к себе в мансарду,
Достану сидр и, распахнув балкон,
Подумаю о том, как буду завтра
Идти по Сен-Жермену к Инвалидам
И, вспоминая строчки из Сосноры,
Пытаться отыскать отель «Кере».

2

«Вы видели Мартынова в Париже?»
Соснора

Я не встречал Мартынова в Париже, —
Оно вполне понятно, но другие
Мне русские в Париже попадались,
И было их определять легко:
Они гуляют группами большими,
Толпятся у «Тати» и «Лафайета»
И даже по зеленому сигналу
Боятся улицу переходить.

Порой грубы, порой бесцеремонны, —
Они совсем не те, что были прежде,
Те, чьи останки в рощах Женевьевы,
А души вознеслись к Царю царей,
Здесь нет вождей, чьи имена священны —
Колчак, Деникин, Мамонтов, Корнилов, —
Но воины их почивают с миром
И оградят живущих от невзгод,

А паче нас, оставшихся в России
Среди совков, которым безразличны
Торжественные надписи на плитах

«Дроздовцы», «Алексеевцы», «Самурцы».
Но любопытно: вот когда Мартынов
С Соснорой и другими был в Париже, —
В Сен-Женевьев заехал ли? — Едва ли!
Что за вояж в советских кандалах!

Лет сто назад к Варшавскому вокзалу
От Gare de l'Est ходил удобный поезд.
Потом маршрут ужался до Варшавы,
Потом до Мюнхена, — а нынче вновь,
Как только рухнул занавес железный,
Восток открылся, но увы — в руинах!
И внуков тех, что спят у Женевьевы,
Лишь изумили дикость и простор.

Хотя порой оттуда приезжают:
Вот давеча у Оперы увидел
Двух теток, перепуганно бежавших
По переходу с криком «че ты, блин!».
Конечно, вспомнить о национальной кухне
Патриотично, но, на всякий случай,
Я сделал вид, что ничего не понял,
Пробормотав сквозь зубы «Fuck away!»

Какой уж тут Мартынов! Тут и Федин,
И Кобзев-Островой не так уж плохи
(Они-то уж в Париже побывали), —
Дерьмо-дерьмом, поганые совки,
Бесстыжие лакеи, проститутки
С тоской в глазах и партбилетом в жопе, —
Но, все-таки, не то, что эти бабы,
Хоть издали похожи на людей.

Ну а Мартынов? — я его не встретил
И не нашел «Кере», где жил Соснора,
Хотя по Бабилону к Монпарнасу
Прошел, — и по рю Севр, и по Распай,
Зато завел приятное знакомство

И, комиксы купив про Астерикса,
Перекусил вином и камамбером
Недалеко от церкви Валь-де-Грас.

13–17 марта 2009 г., Париж

HÔTEL CENTRAL

Думал, снится — но нет, наяву!
Быть поэтом — одна благодать:
Я в Латинском квартале живу,
И до Лувра рукою подать.

Жаль, сортира при номере нет,
Но зато за окошком Сите!
Значит надо, по воле планет,
Мне в парижской побыть нищете.

Это, стало быть, сидра испив,
Отпавляйся до понта des Arts,
Где волны лунносенной мазки
Живописца приводят в азарт,

И слоняйся в demi-забытьи
До полуночи ли, до утра ль,
До зари, когда старый Этьен
Позвонит у отеля Централь.

5–7 марта 2010 г., Париж

Зимняя дорога или Батецкий район

Над соснами, в размахе снежных крыл,
Созвездия блестят (какие именно?),
Невдалеке — огромная луна
Оранжева над снеговым плащом.
Любезный друг! Я новую открыл
Дорогу до эпического Ильменя, —
Почти необитаема она,
Поэтами не признана еще!
Потом, быть может, лет через пятьсот,
Какой-то гений, более покладистый,
Чем этот, заблудившийся в снегах,
Считая версты до пяти концов,
Меж этих рощ слова произнесет,
Которыми немедленно прославится
И хвойною кифарой вознесет
Пуржистый мелос северных канцон.

Сии благословенны времена!
Литературой взрослою и детскою
Шуршит листва, хихикают грибы,
Звенит комар над азбукою нот,
И, представляя разны племена,
Поэты устремляются в Батецкую,
Богини Луги верные рабы
У берегов сих молчаливых вод.

А мы, уже бессмертные вполне,
Вкушая нектар, слушаем, как водится,
Крупнейших из наследующих нам
И графоманов робких голоса
И думаем, что счастливы оне,
Зане любовь к стихам не переводится
В районе, где огромная луна
Вела нас по заснеженным лесам.

30 января 2005 г.

Музей-квартира (поэма)

Подобно «Декламации» на Мойке,
«Музею-заповеднику» в лесах
(Написаны сравнительно недавно) —
И следующее произведение.

Итак, представим: сотню лет назад,
Ну, девяносто пять иль девяносто,
В столицу
Кораблем ли, дилижансом,
Скорей всего — железною дорогой
Въезжают любопытные туристы.
Им интересно все: лишь паровоз
Остановился, кутаясь парами,
Они уже сбежали на перрон,
Прошли вокзал, — и перед ними площадь,
Где восседает бронзовый гигант
На жеребце по имени Воронеж
И ласково сияет куполами
Приветливая Знаменская Церковь...
Мне их маршрут легко предположить, —
Его, спустя столетье, повторяют
И те, кого едва ль не ежедневно
Вожу по островам и переулкам,
Дворцам-музеям, проходным дворам.

Недалеко морских ворот Фонтанки
Есть серый дом, Ахматовой воспетый,
И в нем музей-квартира. Надпись «Блок»
Воссоздана на бронзовой табличке,
Вы можете подняться, позвонить,
Вам отопрут, — и в тапочках музейных
Сквозь кабинет, огромный и туманный,
В отсутствии хозяина пройдете

По комнатам, — и, к жизни возвратившись,
Покинете задумчивый музей.

Однако, возвратимся к тем туристам,
Что, лишь приехав, Знаменскую площадь
(Строфу назад!) в восторге обежали
И памятник три раза обошли.
Но где они? Толпа смывает лица...
На Лиговке? На Греческом? Мы только
У Чернышова моста их настигли, —
Они спешат в Коломну, в тот музей,
Что только что описан мной. Хозяин,
Заране извещенный телеграммой,
Их ждет, не принимая Мережковских,
От ярости грызущих водосток.

По Офицерской, к Пряжке... Все как прежде,
Но, правда, нет еще посмертной маски
(Хозяин виновато усмехнулся)...
— Мой кабинет. Вот рукопись. Чернила
Пока что сохнут, но пятью строфами
Не ограничу «Соловьиный сад».
Вот календарь с Жеромовой картинкой,
Портрет Дельмас, черновики «Кармен»...
Хотите посмотреть? Прошу вас! Скоро
Равно развеет вихрь и их, и ваши
Депеши — но, в мерцающей заре
У скал ирландских — рад, что посетили.
И то (уж мы приблизились к роялю,
И коридор недалеке зиял), —
Хозяин продолжал, — в кошмарном сне
Мне некое приснилось сочиненье
О толстозадой девке, о каких-то
Двенадцати, — не в силах объяснить,
О чем, к чему?... Быть может (все возможно!),
Мир накренится так, что я и вправду
Подобное создам... Пока не поздно,
Любуйтесь мною, и — счастливый путь!

Они спешат на поезд. Дом-музей
Сегодня — лишь музей, но им был домом,
И сам поэт, весьма гостеприимно
Им собственный мемориал представил, —
О, если бы сейчас... Но почему бы,
За неимением Блока, не найти
Значительного менее, конечно,
Зато живого! драматурга, барда,
Прозаика, поэта, наконец!

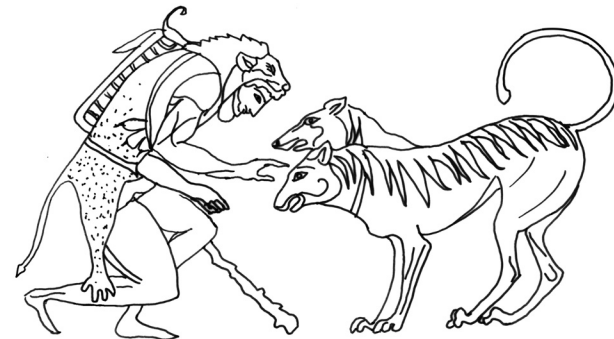
К примеру: тот, кто пишет эти строки,
С огромным бы усердием работал
Смотрителем, директором, кассиром,
Экскурсоводом, даже экспонатом
В своем богоспасаемом жилище,
Где подлинны ценности и вещи, —
И ни одной подделки! Помню, как-то
В Михайловском... Один ученый муж
Чернильницу купил на вшивом рынке
В Опочке и, доставивши в музей,
Сотрудников составил ассамблею,
Чтоб выяснить, а мог ли Пушкин лично
Мокнуть перо в представленный сосуд?
Эпоха та же, это несомненно,
А так как сам поэт бывал в Опочке...
И понеслось: однажды, по пути
К любовнице (дворовой девке Марфе —
Недавно поступил старинный лифчик,
Запаханный чернилами) поэт
Заехал и, используя чернила,
В уездной канцелярии записку
Онегинской строфой, на склоне дня,
Писал посредством этого прибора...
И экспонат готов, и есть легенда
И людям увлекательный рассказ, —
Все вымысел!

А у меня, во-первых,
 И стол, и стул, и книги, и тетради,
 И потолок, и рваные обои,
 Велосипед, картины на стене
 (Дворец Китайский и Шапель), и ручки,
 Те самые, которые поэту
 Служили много лет и служат ныне;
 И он уже велик, — а что живой
 Пока — так что же! Время быстротечно!
 Еще пройдет десятилетий восемь,
 И, может быть, на новой ассамблее
 Случайно обретенные трусы
 Филологи изучат: «Ах, не те ли,
 Что в той поэме...» Каждая пылинка,
 Листок из-под стола, где я писал, —
 Все каталогизировано будет
 На стендах, в экспозициях, в собраниях...
 Сто пять томов научных разработок!
 Тимологи дерутся на дуэли,
 Не выяснив семантику тире
 В четвертой строчке пятого сонета!
 Но мне, однако, будет не до них...
 Хотя, возможно, толп не соберется,
 И лишь какой-то одинокий гений
 Откроет вдруг, что на излете века,
 На низком побережье невских дельт
 Существовал музей весны... Моей ли?

...Как в Гатчине резвился Северянин!
 Как хороши, как свежи были розы, —
 Они благоухают до сих пор!
 И пусть музей не состоится, что же,
 Я сам, один, — его существованье!
 В полночный час, в мемориальном свете
 Настольной лампы сдержанно смеюсь,
 Как Блок, когда б подумал о музее,
 И Пушкин, видя очередь на Мойку,
 И Диоген, гоня гостей из бочки,
 И Гесиод, оберегая плуг.

А Сретенье склоняется за полночь,
 Шумит Нева большими полыньями,
 И робкий свет струится с колоколен
 Над городом, где я пока что есть.

6–13 февраля 2000 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	3
--------------------------	---

I. ЗАКЛИНАНИЕ

Семеро против Мегар	9
«В марте вечером...»	11
Эос осенняя	12
Отплытие	14
Павсаний	16
Комета	18
Лужа	19
Весенняя элегия	21
Первое прощание с зимой	22
Стансы	24
Майолика	25
«Не видно солнца...»	26
Эпос	27
Румынская мелодия	29
Гермы	31
Лунные часы	32
Сонет («Не ошибись в середине предложенья...»)	33
Январь	34
Лыжная ода	35
Прогноз погоды	37
Весенне-эпидемическое	38
«Завывают русалки...»	39
Ранний снег (Санная осень)	40
Гололедица	41
Окололесица	42
Сариола	44
Сумерки	46
Фарр каянидов	47
Заклинание	50
Декламация (поэма)	52

II. ДЕРЕВО ЛОХ

Дерево Лох	59
Ночью весенней... ..	60

Фишова гора	62
Филиппово осенью	63
Сад в Мокушах	64
Большая осенняя элегия	65
Реньяр в деревне	67
В теплый ноябрьский день прогуливаюсь по облетевшим аллеям Новой Александрии, Александрии и Нижнего парка	68
Пулковское озеро	70
Вечером на Пулковском склоне вдыхаю ароматы цветущего луга, наслаждаясь закатом	71
Петергоф. Сумерки	72
Лебедь	74
Вистино	75
Концерт	77
Летняя гроза, или классик на отдыхе	78
Речные тосты	79
Вариации ладожские	80
Берега финские	81
Пограничная колыбельная	82
Зимнее солнце	83
Два сонета	84
Старая, старая	86
Вечернее	88
Тритландия	90
Городок	92
Два гренадера	94
Люксембургский сад	96
В гостиницу Лилль... ..	98
Зимние ямбы	99
Солнечный бог	100
Фирма Лета	102
Музей-заповедник (поэма)	103

III. ЛЮБОВЬ ПОЭТА

Башня Зенона	107
Солнцеворот	109
Любовь поэта	111
Романс сожаления	114
Зеленая элегия	116
Судан	118
Прощание	119

Петерштадт.....	120
Романс смирения	121
Садовая Соня.....	122
Колбасный отдел.....	123
Озерная пастораль	125
Каракумское послание	126
Кролики над заливом.....	127
Кумулус.....	128
Розовый буксир.....	132
Трусы (поэма).....	133

IV. POÉSIE A LA CARTE

Инкерман	141
Второе прощание с зимой.....	143
«„Детинец“, „Волхов“, „Барин“, „Береста“...»	145
Блинная, эпикурейское повествование в трех главах.....	147
Улица святого Рока	151
Чайные лимерики.....	152
Бордо.....	153
Зимовье	154
В рыбном магазине.....	156
Гастрономическая ода	157
Пельмени (поэма)	161

V. СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ ПОЭТЕ

Стихи о неизвестном поэте	167
Эсхин и Теон.....	170
Петербургский романс	173
«На Васильевском — море...»	175
Экскурсия (4-я часть маленькой ночной поэмы).....	177
Пушкински гора	178
«Когда часы лежат на табурете...»	180
«Ирландские скалы зачем помянул...»	181
Рондалла	182
Neue Russische Lён	183
Ландоха	184
«Для чего так третировать...»	186
Звезда и Нева.....	187
О двух Ваньках	188
«Стемнело, и минутность лет...»	189
Романс эволюционный.....	190

Вечером	191
Мой кабинет	192
Снегопад.....	194
И вправду холода... ..	196
На Васильевский.....	197
Timofei Jivotovski	198
Дорожные мысли.....	200
Дом колхозника.....	202
Ода № 3 (польская)	204
Сонет.....	208
Вечернее	209
Hôtel Central.....	213
Зимняя дорога или Батецкий район.....	214
Музей-квартира (поэма)	215

Л и т е р а т у р н о - х у д о ж е с т в е н н о е и з д а н и е

Тимофей Животовский

К ПОЛДНЕВНЫМ МОРЯМ

Выпускающий редактор *Е. П. Чебучева*

Технический редактор *Л. В. Васильева*

Художественное оформление *С. В. Лебединский*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 26.09.2011.

Формат 60 × 90/16. Печ. л. 14. Тираж 1000 экз. Заказ № .

Филологический факультет Санкт-Петербургского
государственного университета

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

Отпечатано в типографии «Нестор-История».

Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21, тел. (812) 622-01-23